

М.Ф. Ершов

Социокультурная
эволюция
отечественной
провинции
конца XVIII –
начала XX в.:
по материалам
городов
Северного Зауралья

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

М.Ф. Ершов

**Социокультурная эволюция отечественной
провинции конца XVIII – начала XX в.:
по материалам городов Северного Зауралья**

Ханты-Мансийск
2017

УДК 94

ББК 63.3 (2)

Е 80

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

В.И. Сподина, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

А.Г. Киселев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск);

С.А. Попова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск)

Е 80

Ершов М.Ф.

Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX в.: по материалам городов Северного Зауралья. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. – 124 с.

Монография посвящена социокультурной эволюции городов Северного Зауралья конца XVIII – начала XX в.: Берёзова, Верхтурья, Туринска, Ирбита, расположенных в зоне соприкосновения европейской Пермской и сибирской Тобольской губерний. Рассмотрены последовательные изменения образов городов, взаимоотношения городского населения со ссылочными, социально-психологический климат в городском обществе. Социально-экономическому анализу подвергнуты также хозяйственная деятельность горожан, особенности функционирования Ирбитской ярмарки и связи горожан с аборигенным населением.

Междисциплинарный характер исследования позволил выявить латентные исторические процессы в жизни периферийных провинциальных городов в последнее столетие Российской империи. Книга предназначена для историков, культурологов, специалистов по урбанистике и брендингу территорий, этнографов, учителей общеобразовательных школ, краеведов, всех тех, кому небезразличны судьбы Югры, Сибири, России.

*Рекомендовано Редакционно-издательским советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

© Ершов М.Ф., 2017

© Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, 2017

© ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»,
оформление, 2017

ISBN 978-5-6040448-7-2

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
----------------------	----------

ГЛАВА I

Межкультурная коммуникация в городе

1.1. Эволюция образов городов Северного Зауралья	10
1.2. Взаимоотношения горожан и ссыльных	26
1.3. Социально-психологический климат в городе	43

ГЛАВА II

Городская культура вне городов

2.1. Города и региональная торговля	56
2.2. Восприятие Ирбитской ярмарки её участниками	80
2.3. Города и аборигены: антропологический подход	102

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
-------------------------	------------

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	113
---------------------------------	------------

ЛИТЕРАТУРА.....	114
------------------------	------------

Введение

«Глубокий провинциализм – вот отличительная черта такой столицы, как Москва, а может быть, и такой страны, как Россия», – вспоминал на рубеже XIX-XX вв. один из тех, кому довелось провести свои студенческие годы в Москве [Пинус 1914, 300]. Сегодня, в условиях глобализации, всё более актуальным становится вопрос о роли и месте периферии в мировых модернизационных процессах. Теоретических положений выдвинуто достаточно, но далеко не все из них подкреплены убедительным конкретно-историческим материалом. Нами предпринята попытка анализа социокультурной эволюции провинциальных городов, расположенных к востоку от Уральских гор, в районе, который достаточно условно определяется как Северное Зауралье.

В данной книге рассматриваются социокультурные процессы, связанные с жизнью четырёх северных городов: Берёзова, Туриенска, Верхотурья, Ирбита. Не секрет, что для городов как узловых центров провинциального мира не характерно изолированное существование, обособленность от внешних пространств. Соответственно, территориальные границы исследования не ограничиваются их жилой застройкой. Ведь любой город всегда нечто большее, чем место проживания конкретного социума. Города всегда в культурном отношении много шире собственной территории. Они характеризуются множеством связей с обслуживающими ими торговыми округами, административными образованиями, центрами которых они являются. Города отличаются многочисленными культурными контактами в той сфере, которая именуется провинцией и которая исследуется в настоящей монографии.

Хронологические рамки работы в основном определяются столетием, предшествовавшим социальным потрясениям, которые ныне определяются как Великая российская революция. С конца XVIII в., после осуществления губернской реформы Екатерины II,

сложилось новое административно-территориальное деление страны с характерным чётким делением на уездные и губернские города. Данный период завершился бурными событиями начала XX в., когда прежние связи оказались либо totally уничтожены, либо деформированы катастрофическими социальными катаклизмами. При этом изучение городов и трансформации их образов, предпринятое в данной работе, потребовало в ряде случаев расширения хронологических границ.

Объектом исследования является жизнь населения пограничных северных городов двух смежных губерний: Тобольской и Пермской. Предметом исследования стали провинциальные социокультурные процессы, связанные с городами Берёзовым, Туринском, Верхотурьем, Ирбитом. Автор считает, что провинция без городов немыслима, и сознательно отвлекается от изучения экономических отношений только в узких пределах собственно городского пространства. Дело в том, что эти немноголюдные уездные (окружные) центры по преимуществу реализовывали возможности вовне, за пределами своей территории. Даже ярмарочный Ирбит и соседний Верхотурье, центр религиозного паломничества, не ограничивались использованием только городской материальной базы или внутригородской торговли. На их развитии сказывались различные факторы, в том числе и сформированные стихийно или сознательно образы городов.

Однако полноценное изучение управлеченческих навыков городского населения Северного Зауралья, вплоть до действий конкретных предпринимателей, особенностей и способов организации их торговли, степени удалённости и объемов торговых связей, пока ещё дело будущего. Детальное выявление и, самое главное, исследование большого массива исторических источников о городах Зауралья, рассредоточенных по фондам российских архивов, потребовали бы применения методов «тотальной истории», разрабатываемых «школой Анналов». На сегодняшний день данное пожелание пока ещё мало исполнимо.

Цель настоящей работы несколько иная. Она заключается в предварительном анализе степени воздействия конкретных городов и их образов на социальные отношения и экономическое поведение городского и внегородского провинциального населения Северного Зауралья. Как известно, формирование образов предшествует действиям. Чтобы человек как субъект экономической и социальной жизни был способен принять решение, он ранее должен стать обладателем различных наборов образов и стереотипов. Это положение касается не только отдельных индивидов, но и городских социумов. У городов всегда присутствуют образы, изменяемые с течением времени. Без изучения совокупности городов и их образов, взятых в динамике потенциальных возможностей, наше знание о прошлом оказывается неполным и ущербным. Соответственно, монография нацелена на реконструкцию социокультурной эволюции городов Северного Зауралья как центров провинциальной культуры, перевоплощённой в определённые осколки (образы) исторической памяти. Изучение особенностей восприятия городов позволяет в ряде случаев объяснить мотивацию поступков городского и внегородского населения Северного Зауралья. Достижение поставленной цели требует для настоящего исследования разрешения ряда задач:

- выделения основных этапов социокультурной эволюции образов исследуемых городов;
- понимания тех социальных деформаций, которые порождались пришлыми мигрантами, по преимуществу ссылочными;
- осознания специфики социально-психологического климата в среде местного населения;
- рассмотрения торговых операций городского населения как вовне, так и внутри городской территории;
- реконструкции психологической атмосферы, царившей во время проведения Ирбитской ярмарки;
- определения степени воздействия городов Северного Зауралья на менталитет аборигенного населения.

В конечном итоге допустима постановка следующих вопросов: имелись ли у городов Северного Зауралья общие этапы социокультурного развития, которые они с необходимостью проходили? Какова была степень автономии их образов относительно внутренних и внешних событийных моментов? При дефиците информации ответы на данные вопросы лишены однозначности. Это диктует необходимость приоритетного внимания к анализу фактов общественной психологии, которые сохранились в обширном массиве исторических источников.

Методология настоящего исследования основана на применении междисциплинарных подходов. Комплексный анализ ведёт к синтезу исторической конкретики и теоретических наработок ряда гуманитарных дисциплин. Изучение провинциального прошлого сегодня немыслимо без использования методов урбанистики, имагологии, психологии, этнологии и антропологии. В частности, в настоящее время историческая имагология разрабатывает ряд аспектов генезиса и последующей эволюции различных образов [Поршинева 2014, 126-129]. К их числу допустимо отнести и образы городов как конкретных территориальных объектов. Современные исследования хорошо показывают, что для выделения тех или иных образов города могут использоваться различные онтологические основания [Амин, Трифт 2002, 209-234]. По нашему мнению, выделение ряда закономерных этапов в длительной социокультурной эволюции городов задаёт большую системность в исследовательских практиках [Ерисов 2013]. И города Северного Зауралья здесь не являются исключением. Их образы скрыто или явно должны были присутствовать в общественном сознании.

Вышеизложенная позиция не опровергается тем обстоятельством, что любое развитие отличается неравномерностью и конкретным городам требовалось неодинаковое время на прохождение одних и тех же этапов собственной эволюции. Природно-географические условия региона, экономика, особенности жизни городского социума отнюдь не были суммой неких неизменных жестко заданных констант. Люди всег-

да имеют свободу выбора, что влияет на зарождение, существование и изменение городов. Возникающее при этом множество побочных фактов, событийная сторона не всегда способствуют раскрытию истины. Напротив, они зачастую искажают суть происходящего. Далеко не случайны определения города как места встречи различных культур или палимпсеста [Булыгина, Трипольская 2013, 78], где один текст накладывается на другой, «затемняя» его первоначальный подлинный смысл.

Историография по данной проблеме достаточно обширна. Ранее опубликованные нами обобщающие работы, освещающие историю изучения прошлого городов Зауралья в дореволюционный [Ерисов 2015б] и советский [Ерисов 2016] периоды, избавляют от необходимости перечисления множества исторических трудов и вклада их авторов. Но, к сожалению, в историографическом массиве мало современных исследований, в которых рассматривается восприятие конкретных городов и преломление их образов в общественном сознании и действиях городского и окружающего населения. Исследователи достаточно часто ограничиваются компиляцией сведений из исторических источников, избегая аналитической составляющей.

К числу немногих современных исключений допустимо отнести книгу «История Верхотурья» [Корчагин 2001], посвященную анализу специфики этого города. Определенный интерес представляет культурно-бытовая информация из сборника «Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности» [Урал. город 2001]. В ряде книг подняты значимые проблемы восприятия провинциального социума и царивших в нём нравов [Куприянов 1995; 2007; 2009; Дегальцева 2005; Литягина 2010; Родигина 2006]. Монография основывается на наших предшествующих публикациях и продолжает их тематику [Ерисов 2015в; 2015г; 2016б]. Кроме того, закономерности формирования образов исследуются в смежных гуманитарных дисциплинах. Особых успехов здесь достигли географы. В их арсенале имеется объёмная линейка работ [Линч 1982; Глазычев 2011; Замятин 2006].

Использованные в настоящей работе источники допустимо разделить на делопроизводственные материалы архивных фондов городов Екатеринбурга, Перми, Тобольска, Челябинска, Шадринска, экономико-географические и статистические описания, сочинения путешественников, мемуарную литературу, материалы периодики, фольклор. В архивных материалах по преимуществу сосредоточены сухая безликая цифровая бюрократическая отчетность либо ведомственная переписка и сведения о происшествиях. Информация, опубликованная в различных описаниях, в большинстве своем характерна претензиями на обобщение. Мемуарная литература, периодика и фольклор, напротив, тяготеют к занимательности, метафоричности и нередко грешат субъективным подходом. Столь несхожие исторические материалы вызывают множество затруднений при их использовании. Критика данных исторических источников в первую очередь предполагает учёт фрагментарности, неполноты, скрытой информации. Данные обстоятельства в ряде случаев обуславливают ориентацию на изучение не только типичного, но и исключений из правил. Нельзя также исключать предвзятое отношение грамотного современника к образному ряду, сохранившемуся у местного населения издавна, со времен господства традиционной культуры.

Насколько оказался удачен наш проект – доверим судить специалистам. Отметим, однако, что увидеть города и их образы в исторической ретроспективе – очень непростая задача. «Чтобы восстановить картину прошлого, историк культуры обязан вычленить произошедшие в культуре динамические модуляции и сдвиги в иерархии чувств, осознать, как изменялась культурная валентность каждого чувства. Зрение не есть нейтральная биологически обоснованная, естественная способность, оно есть сложный феномен, культурно обоснованный, привязанный к конкретному историческому моменту и потому нуждающийся в декодировании» [Левитт 2015, 12-13]. Именно такой результат и предполагается при прочтении данной книги.

Глава I

Межкультурная коммуникация в городе

1.1. Эволюция образов городов Северного Зауралья

Верхотурье и Ирбит, Берёзов и Туринск управляли обширными северными районами двух смежных губерний: Пермской и Тобольской, что было отражено в городских гербах (рис. 1-2, 4-5). Из-за административной принадлежности к губернской Перми Верхотурье и Ирбит юридически считались «европейскими», а Берёзов и Туринск, подчиненные Тобольску, были уже полноценными азиатскими и сибирскими городами. Даты их оснований хронологически близки. Появление этих городов было связано со временами «сибирского взятия». Однако их дальнейшая судьба во многом оказалась различной.

Первоначально основная функция первых городов в Сибири была военно-административная [Сергеев 1960, 112-124]. В большей мере это касалось Берёзова и Верхотурья, в меньшей мере Турина и Ирбитской слободы. Легендарное колонизационное движение «встреч солнцу», образы первопроходцев в их военном противостоянии сибирским царевичам, родоплеменной знати обско-угорских и самодийских народов были сохранены в документальных свидетельствах и отчасти в народной памяти. Однако в поздние времена эти события были вос требованы в социальной памяти всё менее. Они мельчали и замещались иными сюжетами. Видимо, в городах образы былинных героев постепенно вытеснялись действиями силачей, разбойников или иных антисоциальных элементов.

Рис. 1. Герб г. Березова

Замедленно данные процессы протекали в самом северном из изучаемых городов – Берёзове. Здесь сказывался ряд обстоятельств. Длительное время вплоть до последней трети XVII в. существовала реальная угроза нападения аборигенов на город. Но и после устранения опасности непосредственно для города на управляемые им территории продолжались набеги со стороны оленеводов самодийцев, переживавших свою «героическую эпоху» формирования вождистских структур [Головнев 1995, 104-105]. Далеко не случайно, что только северные обдорские князья Тайшины сумели официально сохранить свой статус. В средине XIX в. наибольшая угроза их княжескому достоинству исходила не столько от самодержавия, сколько от мятежника Ваули Пиеттомина [Головнев 1995, 161-162]. Хотя в январе 1841 г. казаки из Берёзова не успели прибыть на Обдорскую ярмарку для его поимки, но именно их земляки, березовские мещане, и составили большинство тех, кто принял участие в аресте бунтовщика [Ваули 1940, 16-17].

После реформ Петра Первого Берёзов оказался местом ссылки легендарных участников «дворцовых переворотов» первой половины XVIII в. Близость к носителям высшей власти наделяла эти фигуры в глазах обывателей почти сакральными свойствами. Яркость их образов оказалась такова, что истории этих ссыльных во многом затмили сведения о жизни местных городовых казаков, приземленных своим обыденным существованием. Неразвитость экономической жизни также препятствовала изживанию прежних образов и стереотипов. Возник эффект наложения прежних героических образов на фигуры сосланных царедворцев. В итоге, в череде образов города Берёзова оказался во многом законсервирован ранний богатырский этап его социокультурной эволюции.

Это не означает, что у города не были сформированы и иные образы, следующие за богатырскими сюжетами. В Берёзове постепенно росла прослойка образованных лиц, в основном чиновников и учителей. Горожане пытались облагородить свои грешки в собре

ясака и неэквивалентной торговле с аборигенами возведением и украшением православных храмов. Легитимация государственного насилия, не связанного с личными героическими свойствами, породила своеобразное культивирование сведений о знаменитых ссыльных. Их мучения, близкие к страданиям христианских святых, как бы искупали несовершенство местного городского социума.

Самым известным из узников Берёзова сподвижник Петра Великого был А.Д. Меншиков. По мнению одного из исследователей, до ссылки Меншиков «брал на себя проводимые Петром I мероприятия, так или иначе выходившие за рамки закона, общепринятых представлений, уклада жизни того времени (...)» [Андреева 2013, 18]. Получается, что видный царедворец как при власти в столице, так и в ссылке в Сибири, осуществлял одну и ту же жертвенную миссию, принимая на себя чужие грехи. Соответственно, его присутствие в Берёзове органично совместилось с социокультурной эволюцией местных городских образов.

Жертвенность ссыльных не спасла сакральные свойства Берёзова от профанации. Постепенно они вытеснялись светским прагматизмом. Более того, видимо, уже со второй половины XIX в. местное население начинает коммерчески эксплуатировать образы бывших петровских вельмож [Ерилов 2015а, 79]. По воспоминаниям образованных современников, у жителей Берёзова к традиционным Масленице, ярмарке, приходу парохода со временем добавились и новые развлечения. Горожане с удовольствием устраивали музыкальные вечера, осуществляли театральные постановки, принимали участие в любительской охоте и пикниках на природе [Ларионов 1993, 35-37].

Город Верхотурье первоначально был крепостью. Однако его военная роль оказалась незначительной. Так, пермские исследователи замечают, что «мы можем определенно считать, что до конца третьей четверти XVII в. верхотурские укрепления представляли собой острог, поставленный тыном с несколькими башнями, а более совершенных фортификаций так и не было построено. Это неудивительно, если

вспомнить, что город был построен как перевалочный пункт в стратегическом тылу уже освоенного Обь-Иртышского региона Сибири, и ни разу за свою историю не подвергался осаде» [Корчагин, Угрюмова 1997, 57].

Куда более категоричен курганский историк В.В. Пестерев. По его мнению, не стоит преувеличивать степень реальной военной угрозы для Зауральских городов в XVII в. В ряде случаев опасность была мнимой, мифической [Пестерев 2005, 69-74]. Видимо неслучайно, что применительно к Верхотурью богатырские образы первопроходцев и его основателей были в значительной мере закрыты наследствиями петровской и последующих эпох. Город долгое время выполнял функции таможни на дороге в Сибирь. Благодаря окраинному расположению возле Урала город быстро превратился в отдалённое от линии фронтира и безопасное для проживания тыловое поселение. Мощные каменные сооружения в Верхотурье всё-таки были возведены, но много позднее: только в начале XVIII в., когда военная опасность уже отсутствовала.

Как понять причины существования этих странностей в строительстве города? Внешние объяснения обычно связывают с политикой Петра Первого. Великий преобразователь стремился заменить огнеопасную деревянную застройку каменной. В соответствии с его замыслами, Верхотурье должно было стать центром горнозаводского производства на Урале. Однако передача Невьянского завода в руки Демидова и перенос центра горного производства на Средний Урал похоронили эти намерения [Корчагин 2001, 41, 105]. Между тем историческая достоверность данного объяснения всё-таки оставляет в тени ещё один важный вопрос: почему немалые матери-

Рис. 2. Герб г. Верхотурья

альные и людские ресурсы были брошены именно на внепрагматичное крепостное строительство? И это в тяжелейших условиях военного времени!

Видимо, та мотивация, которая задавала действия бюрократов, не основывалась исключительно на рациональных началах. Пётр действительно был велик своими планами. Наверное, только он был в состоянии построить свою новую столицу на затопляемой территории в непосредственной близости от неприятеля. Но такой пассионарностью обладали далеко не все. Тыловое Верхотурье уже миновало свой богатырский этап. Исчезновение прежнего героического ореола требовалось чем-либо компенсировать. Теперь усилия государства были сосредоточены на поднятии престижа горной администрации, на демонстрации её возможностей перед местным населением. Неслучайно, что для горнозаводских жителей Северного Урала Верхотурье всё более обретало черты угнетателя, места концентрации управленцев, которые впоследствии не были непосредственно связаны с горным производством.

Верхотурье сменило прежние образы. Богатырей вытеснили палачи и чиновники, что в общем-то соответствовало мифическим ожиданиям. Ведь согласно логике мифа богатыри, пришельцы, первооткрыватели не должны были жить на обыденной земле. Их удел иной: после совершения подвига уйти из спасённого поселения. И действительно сохранились материалы о богатейших авантюрных купцах, покинувших Верхотурье и продолжавших уже в иных местах удачно увеличивать свои капиталы. С одной стороны, они имели под собой историческую основу (так, крупные предприниматели, выходцы из Верхотурья Походяшины, Зеленцовы, Поповы – реальные лица); с другой – отображали сведения о новом периоде в социокультурном развитии города.

Культурное доминирование административных функций у Верхотурья не было длительным. Центры экономической активности Зауралья неумолимо смещались в южном направлении. В 1763 г.

официально открылся Сибирский тракт, лежащий много южнее Верхотурья. В 1764 г. упразднена Верхотурская таможня, и город окончательно утратил функцию ворот Сибири [Корчагин 2001, 45]. Перед местным социумом встал вопрос о дальнейшей судьбе города. Верхотурье нуждалось в сохранении статуса уездной столицы и одновременно в идеологическом обосновании собственных претензий. Управление окружающим населением не могло базироваться исключительно на принуждении.

Культ местного святого Симеона Верхотурского (рис. 3) сыграл положительную роль для переориентации города и его вступления в новый этап социокультурной эволюции. В 1704 г. мощи святого были перенесены в город, куда и направлялись паломники, шедшие сюда на поклонение и исцеление. Именно в 1763 г. – то есть практически одновременно с открытием Сибирского тракта и закрытием местной таможни – канцеляристом Верхотурской канцелярии Гр. Третьяковым было подано в Синод доношение, в котором сообщалось о явлении мощей святого [ГАСО Ф.603. On.1. Д.363. Л.34]. Проведенное в 80-е гг. XVIII в. расследование не стало единственным. В 20-е гг. XIX в. оно было повторено [Мангилев 1991, 35-37]. Нахождение мощей на территории города, чья древность оказалась освящена пребыванием Праведного Симеона, отчасти служило оправданием уездному

Рис. 3. Икона с изображением Праведного Симеона Верхотурского

статусу Верхотурья. Для собственного выживания город сумел идентифицировать себя с образом святого.

И город, и местный монастырь постепенно приобрели навыки извлечения материальных выгод от прославления святого. Как считает П.А. Корчагин, в третьей четверти XIX в. «определились основные приёмы и направления экономической, и пропагандистской, и экономической деятельности Никольского монастыря: строительство церквей (в том числе придельных) и часовен во имя св. Симеона Верхотурского, распространение икон святого и печатных изданий житийного и религиозно-краеведческого содержания, началось складывание сети пунктов паломников, направляющихся в обитель» [Корчагин 2001, 70]. По-видимому, с этого времени допустимо утверждать о вступлении Верхотурья в ещё один качественно новый период его развития.

Пущенная на поток коммерциализация культа святого, наплыv гигантского числа паломников выхолащивали подлинную религиозность и провоцировали дальнейшую смену образа Верхотурья. На рубеже XIX-XX вв. сведения о городе стали дополняться новыми, ранее не свойственными сюжетами: о фальшивом святом Федоте, использующем граммофон для одурачивания верующих, преданиями о грешной жизни местных монахов и монашек [Предания 1991, 246-251]. Не содействовали укреплению сакрального образа и посещения Верхотурья нарочито скандалным Распутиным [ГАСО Ф.519. Оп.1. Д.228. Л.34-40]. Город-святой с его божественной мистерией вытеснялся городом-актёром, падким до денег, скандала и обмана. Завершение дискредитации образа Верхотурья произошло уже в советское время. Вскрытие мощей святого, размещение на территории монастыря колонии для несовершеннолетних преступников наглядно символизировали в новой политической реальности образ неполноценного и греческого города [Новиченков 2012].

Ирбитская слобода была основана в 30-е гг. XVII в., почти на полвека позднее первых городов Сибири. Юридическое отсутствие

городского статуса (до 1775 г.) было тогда тождественно и отсутствию яркого образа «правильного», «регулярного» города. Городские свойства в Ирбите вызревали как бы подпольно, неявно. Однако у жителей слободы имелся мощный экономический ресурс – местная ярмарка, одна из крупнейших в России. Её существование радикально меняло образ жизни, материальное положение и психологию местного населения. Теперь требовалась лишь одна «малость»: актуализировать скрытые городские потенциальные возможности населенного пункта и обрести необходимый юридический статус.

На «помощь» поселению пришли участники восстания Е.И. Пугачёва. Культурная развитость и широкий кругозор, организаторские способности жителей слободы позволили им не только понять самозванство Пугачева, но и самостоятельно дать успешный вооруженный отпор мятежным отрядам. Главным лицом обороны слободы стал писец из горнозаводских крестьян И.Н. Мартышов, поступки которого были сопоставимы с действиями культурного героя. Он организовал ополчение, получил ранение, попал к пугачёвцам в плен, был подвергнут мучениям, но сумел бежать. Благодарная Екатерина II оценила мужество жителей. Она преобразовала слободу в город, пожаловала Мартышову звание прaporщика, дворянское достоинство, земли, серебряный ковш и денежное вознаграждение [Андрющенко 1966, 21, 14].

Дальнейшая судьба храброго «пищика» неизвестна, что также хорошо укладывается в традиционные мифические схемы. Пришелец Мартышов из горнозаводских крестьян должен был исчезнуть, после того как облагородил местное население и передал ему свои мужественные начала. Их символами в Ирбите стали сабли и Андреевский флаг, изображенные на гербе города. Характерна постепенная символическая замена

Рис. 4. Герб г. Ирбита

мягкого женского начала на твёрдое мужское (ранее «она» – Ирбейская, Ирбицкая слобода, Ирбить, затем уже «он» – Ирбит). В 1781 г. Ирбит дополнительно получил статус уездного города. В ряду образов города чиновники в очередной раз пришли на смену богатырям.

Допустимо предположить, что у чиновного Ирбита противостояние сельской округе не было столь острым, как в других уездных городах. Здесь сказывалось влияние гигантской Ирбитской ярмарки. Выгоды от её обслуживания сближали всех участников без различий по месту жительства, сословной и социальной принадлежности. Широко известные ярмарочные разврат, разгул, аморальные поступки приезжих купцов затмевали чиновную суть Ирбита. Ярмарка парадоксальным образом формировала и положительные нравственные качества. Местная городская корпорация делала всё зависящее, чтобы обеспечить безопасность и комфортное существование богатых иногородних предпринимателей. Деятельность управленцев Ирбита была нацелена в первую очередь на эффективную защиту приезжих торговцев.

В городе была детально продумана организация охраны гигантского количества товаров, складированных под открытым небом, много делалось для поддержания правопорядка. Если на ярмарке приезжие в непринужденной обстановке заключали контракты и гуляли, то местным жителям в торговый период приходилось много и самоотверженно работать. Только сохранив внутреннюю сплочённость, предельную честность и предупредительность к своим многочисленным клиентам, жители Ирбита могли сохранить у себя ярмарку-корнишцу. Как показано в книге «Были Ирбита», такие качества совершенно сознательно культивировались городским социумом у его членов. «И в пекле можно не измазаться» – эту нравственную максиму относительно ярмарки родители передавали детям [Антропов 1992, 112]. Соприкосновение с большими объемами материальных ценностей формировало у горожан тот идеал внутренней дисциплины, который был близок религиозному аскетизму.

В то же время, нет сомнения, что само ярмарочное действие с его театральностью и обманом разлагающее действовало на окружающих. Особенно оно было опасно для тех, у кого отсутствовали навыки пребывания в этой непривычной агрессивной среде. В первую очередь ярмарка таила угрозу не столько жителям Ирбита, обладавшим приобретённым за многие годы социальным иммунитетом, сколько тем, кто попадал сюда впервые в надежде заработать на обслуживании купцов. Существование у города множества противоположных свойств, его обманчивая привлекательность вели к формированию ещё одного значимого образа – образа актёра, утвердившегося к середине XIX в.

Не случайно, что в журнале «Библиотека для чтения» за 1856 г. (№ 9) казачьим сотником Семёном Черепановым было опубликовано ёмкое сравнение этого ярмарочного центра с человеком: «Физиономия города Ирбита в течение одиннадцати месяцев в году бывает самая печальная. Это человек, ожидающий одиннадцать месяцев своего единственного годового дохода; это актёр, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса. Большая часть домов закрыта ставнями и стоит точно восточная женщина под фатою. Ворота открываются реже, чем уста пустынника, а огромный каменный гостиный двор представляет мифологического циклопа, единственный глаз которого есть единственная открытая лавочка с ресницами из маканых сальных свечей, развешанных по верхнему косяку дверей» [Черепанов 2006, 77].

Симптоматично, что осознанно или неосознанно, но автор публикации выделяет два образа города. Один – уже уходящий, порождённый закрытой для посторонних глаз патриархальной культурой с её склонностью к святыни и ограничениям в будние дни. Другой – современный, торговый, открытый, демонстративно ориентированный на потребление. Заметим также, что первый из упомянутых образов в календаре жителей города хронологически следовал за вторым. Ведь после ярмарки и Масленицы начинался Великий пост.

Единство жителей города сохранялось до тех пор, пока процветала их ярмарка. Однако с формированием железнодорожной сети её обороты начали падать. Началась вынужденная диверсификация городской экономики, у ирбитчан появились неодинаковые интересы. Положительные свойства ярмарки уменьшались, а отрицательные, напротив, стали широко известны. Связано это было с появлением санитарной медицины, с развитием журналистики, с достижениями русской литературы, занятой освещением социальной проблематики. Так, Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем художественном творчестве создал красочные зарисовки негативных ярмарочных реалий.

Акцентирование внимания на порочных моментах в жизни Ирбита, по-видимому, означало начало формирования следующего образа города – образа грешника. Со временем он стал господствующим. Уже в советские 20-е гг. ХХ в. Д. Четвериков воспроизвёл сохранившиеся в его памяти воспоминания детства в повестях «Ирбит» и «Малиновые дни» [Четвериков 1926, 73-116; 1971, 17-90]. События и герои этих произведений перекликаются между собой и связаны с реалиями ярмарочного городка. Здесь и авторские гимназические впечатления, и знаменитая ярмарка, и передача детских восприятий о революционных событиях 1905 г. в либеральной земской среде, и фиксация митингового хаоса, непривычного ранее для уездного провинциального городка. Рубленый сбивчивый тест повестей хорошо передаёт ощущение неадекватности городского социума.

Туринск, долгое время лежащий на государевой дороге в Сибирь, связывал своё первоначальное прошлое с прежним дорусским поселением Епанчин-Юртом и подвигами ермаковских казаков. Ермак со своими сподвижниками и противостоящий им Епанча, затем перешедший на службу к русским властям, в последующем перевоплотились в мифические богатырские персонажи. В мифе им были уготованы необходимость покинуть город, облагороженный их подвигами, и недолгое земное существование, запечатлённое

в памяти потомков. Интересно, что и Ермак, и мурза Еланча в городе действительно не остались. Так, мурза, согласно преданиям местных татар, зафиксированным Г.Ф. Миллером, переселился из своего города в Енбаевые юрты [Miller 2005, 302].

Рис. 5. Герб г. Туриенска их восприятие современниками было достаточно негативным. «Странная смесь в этих московских чиновниках, – размышлял польский ссылочный Ю. Ручиньский, оказавшийся в Туриенске в середине XIX в. – Ведь они люди. Многие из них обладают истинными достоинствами. Среди них хорошие мужья, заботливые отцы, даже бывают отзывчивы по отношению к товарищам.

В служебной сфере – деморализация, такая же большая, как повсеместно. Все крадут открыто, обдуманно, как бы по убеждению. Получаемое от правительства жалование для них ничто, взятки – всё. Каждая должность заранее просчитана, сколько должна принести дохода. Эту норму каждый старается не только выдержать, но и непременно приумножить, как хороший хозяин старается поднять доход с имения. Общественное благо. Любовь к стране – эти понятия для них незнакомы, умам их недоступны» [Ручиньский 2005, 445]. Разумеется, что подобные чиновники были типичными не только для Туриенска.

Но если ранее окружающими чиновные грехи считались за нечто само собой разумеющееся, то теперь в общественном сознании образы чиновников и особенно их когорта на уездном уровне всё более наполнялись резко отрицательным содержанием. Исчерпанность

привычного образа города требовала от наблюдателей его символической замены. Эта тенденция проявилась уже в середине XIX в. В воспоминаниях ссыльного зафиксировано отношение местного населения к его соотечественнику фельдшеру К. Юдиновичу: «Все жители обращались к нему за советами. Крестьяне верили в него, как в чудотворный образ, и приезжали даже из отдалённых мест» [Ручинский 2005, 416-417].

Такая вера могла иметь под собой как рациональные, так и мистические основания. О наличии последних свидетельствует возникновение культа местных святых Василиска и Зосимы. Благодаря настойчивости последнего в 1822 г. была возобновлена деятельность заброшенного ранее Туринского монастыря [На гос. дороге 2000, 170-171]. Святость монастыря осознавалась как возможность его благотворного влияния на окружающих. Туринский женский монастырь был известен обучением девочек. Воспитанницы монастыря плели кружева, вышивали бисером, шерстью и шёлком, изготавливали дорогие церковные принадлежности [Туринск. монастырь 1865, 290]. Постепенно шло усиление образа города как святого места, как одушевлённого святого персонажа.

Между тем значительная часть населения Туриска вполне pragmatically занималась в летнее время рыбными промыслами в низовьях Оби. Предпринимательские усилия горожан с традиционным обманом и эксплуатацией аборигенного населения снижали накал местной святости. С развитием просвещения, с деградацией сакральности образ города начал приобретать иные, уже отрицательные черты. Размещённые в Туриске десятки ссыльных усиливали зарождающийся негативизм. Их массовое пребывание в городе служило признаком его неполноценности.

Как гласило «Руководство по надзору за политическими ссыльными» для Туринского окружного исправника от 1877 г. за № 6937, правительство имело цель «отдалить их от более населенной

местности и общественной деятельности, поставить вне возможности близкого сообщества с людьми им сколько –либо солидарными и отнять у них всякую попытку продолжать проявлять и тем более развивать свои преступные стремления и чрез то увлекать своими злонамеренными убеждениями неопытных и малоразвитых людей на путь преступной деятельности» [ГУТОГА Ф.329. On.1. Д.21, 1-2]. На практике эта цель так и не была достигнута. Ссыльные второй половины XIX в. составляли разительное отличие от своих предшественников и активно участвовали в местных социальных процессах.

Естественно, что ссыльные критически относились к месту своего вынужденного проживания. Архивные материалы второй половины XIX – начала XX в. сообщают о многочисленных проблемах, связанных с нахождением в городе большого числа ссыльных. Одна из них – уголовные преступления [ГУТОГА Ф.329. On.1. Д.39, 5]. Ссыльные писали обличительные корреспонденции о происшествиях в средства массовой информации, составляли для местных жителей прошения [ГУТОГА Ф.152. On.18. Д. 21, 1-8]. Они же устраивали побеги [ГУТОГА Ф.329. On.1, 1]. Такая активность означала постепенное перемещение в центр внимания локального сообщества сведений о жизни и поступках маргинальных слоёв. Новые реалии закрывали прежние образы Турина, которые уходили в безвозвратное прошлое.

Проблема противостояния образа и объекта относится к разряду вечных. На этом пути уже имеется немало научных достижений, в том числе и в сибирской урбанистике. Чтобы уйти от прежних жёстких схем, учёные применяют всё более сложный исследовательский инструментарий. «В исторической действительности, – замечает археолог М.П. Чёрная, – русские города Сибири в своём становлении и развитии подчинялись общим закономерностям и с момента возникновения были полифункциональны, одновременно выполняя обязанности военных, административных, хозяйственных, финансовых, культовых, культурных центров. В определенный отрезок времени

какие-то функции или функция становились главными и определяли облик конкретного города» [Чёрная 2005, 97].

Рис. 6. Карта Пермского наместничества конца XVIII в.

Наверное, дело остается за малым: начать изучать не только реально существовавший объект, но и действительно увидеть его затемнённый облик. Как утверждают имагологические исследования, любой облик (образ) правдоподобен, активен и изменчив в исторической перспективе. Парадоксально, но анализу ускользающего от наблюдателя образа содействует избирательность исторической памяти. Она оставляет для потомков многое, но далеко не всё. При избыточности и метафоричности письменной информации в ней обязательно присутствуют и те значимые фрагменты, по которым возможна реконструкция закономерных этапов в развитии образов города. О.М. Журавлёва, рассматривая извечный спор между двумя российскими столицами, допускает, что «развитие общества сотрёт в конце концов различия реальные, и тогда, осмелимся предположить, останутся лишь различия в восприятии. Различия, едва уловимые, но продолжающие

играть принципиальную роль для жителей этих двух городов. Останется дух столичного города, который, по сути, будет существовать отдельно, как некая непременная характеристика столицы» [Журавлëва 2015]. Всё вышеизложенное вполне применимо не только к истории столичных центров, но и к прошлому небольших провинциальных городов, образы которых пока ещё недостаточно изучены в гуманитарных науках. Историческая конкретика подсказывает нам, что применительно к городам Северного Зауралья, расположенных восточнее Европейской России (рис. 6), приходят и уходят образы богатырей, палачей и чиновников, святых, актёров и грешников, а стоящие за ними реальные поселения и далее продолжают своё земное существование.

1.2. Взаимоотношения горожан и ссыльных

В 1903 г. некий автор, укрывшийся под инициалами, опубликовал в журнале «Сибирский наблюдатель» свои дорожные впечатления. По его наблюдениям, появление в центральной прессе сведений о местной действительности играло там «роль печатной бомбы». Один из обывателей города Кургана при разговоре с автором заметок в испуге воскликнул:

– Стыд-то какой! ... Нет, вы только поймите... на всю Россию!..
[Ш. Вл. 1903, 147-148].

Данная фраза, чуть ли не дословно заимствованная из «Ревизора» Н.В. Гоголя, между тем является вполне типичной для российской глубинки с XVIII в. до начала XX в. включительно. В большинстве случаев русское провинциальное общество достаточно нервно реагировало на разглашение сведений. «В провинции пиши то, что не затрагивает других – иначе может быть худо» – советовал в 1887 г. один из авторов «Северного вестника» [Петров 1887, 86]. Его опасения были далеко не напрасны: на местах, в том числе и в Зауралье, известны случаи незаконного использования властных полномочий против провинциальных корреспондентов, легально сотрудничавших в центральной прессе [Ериков 2010, 260-263]. Провинциальные комплексы вели к тому, что небольшие города уделяли неадекватно много внимания сохранению своего положительного образа в глазах внешних наблюдателей, особенно если они использовали заочную информацию. Причина этого была достаточно проста: неказистая городская действительность могла быстро породить скепсис у заезжего путешественника.

Приведём характерные примеры об облике зауральского города. «Подъезжая к здешнему городу, – писал историк Сибири о современном ему Верхотурье, – любуешься встречающимися с глазом семью каменными церквями, и таким же числом колоколен, воздвигнутых во вкусе московского зодчества XVII века. Подъехав ближе,

замечаешь зубчатую стену крепости, башни крепостные, а поодаль красивую пирамидальную колокольню, только что отстроенную в монастыре; столько-то памятников, свидетельствующих о важности места. Но, въехав в город, я увидел пустыри на улицах, множество домов, разваливающихся или опустившихся. И то, что называется гостинным двором, состоит из нескольких бедных срубов» [Словцов 1830, 300].

И в конце XIX в. положение мало изменилось. «Сколько красивым представляется город Верхотурье для всякого, подъезжающего к нему версты за три, – замечал современник, – столько же является незначительным тому, кто въезжает в город и имеет перед глазами ветхие, полуразрушившиеся строения, нисколько не отличающиеся от деревенских» [Токмаков 1899, 37]. Разумеется, данная точка зрения была характерна для европейски образованного человека. Пониму воспринимали Верхотурье паломники: «Пришедши сюда, они отдыхают душой, с благоговением осматривают внутренность дорогих храмов, не похожих на бедные сельские церкви; поражаются стройным и громогласным пением, так как кроме пения сельского дьячка они ничего раньше не слышали. Нужно только видеть, с каким трепетом, доходящим часто до религиозного экстаза, подходят богомольцы к раке угодника и прикладывают к святым мощам его!» [Поляков 1896, 603-604]. Заметим, что Верхотурье с его остатками старины и красивыми соборами выгодно отличался от большинства других уездных немноголюдных городов.

Помимо растиражированных образов – сосредоточия святости и неказистого уездного центра – у городов Северного Зауралья были и иные приметы. Они являлись местом ссылки. Насильственное переселение в города означало многое. В том числе и насильственное «снижение» святости города. Его прежние культурные достижения становились открытыми для внешнего, не всегда доброго взгляда и тем самым девальвировались. Город как бы утрачивал ранее

приобретенные им сокрытые свойства и опускался до уровня места, которому принудительно навязывали чуждых пришельцев. Рассмотрим, как это происходило в исторической конкретике. Чем же характеризовались взаимоотношения городского населения и ссыльного контингента? В большинстве случаев такие контакты были как минимум внешне доброжелательные. В советский период данное обстоятельство объяснялось воздействием революционного сознания ссыльных на общественное сознание местных жителей. На самом деле большинство причин корректного и даже уважительного отношения обычно лежало в иной плоскости.

В первую очередь отношение к приезжим определялось нормами христианской морали. Человека, находящегося в дороге, оторванного от родного дома, чужестранца, следовало жалеть, по возможности помочь, спасая тем самым свою душу. К числу таких «несчастных» относились странствующие богомольцы, преступники, ссыльные, бродяги. «Говоря о добрых качествах русского, нельзя умолчать о сострадании к ближнему и в особенности к несчастным, – замечал в середине XIX в. Х. Мозель. – Чувство это проявляется в народе при всяком удобном случае, как, например, во время следования арестантов через города и селения или в городах, когда ведут преступника на площадь для исполнения судебного приговора. В этих случаях простой народ видит в арестантах и осуждённых к наказанию не преступников, а несчастных, и, не имея возможности облегчить им участь, спешит, по крайней мере, помочь им деньгами. Подавать проходящим арестантам и осуждённым преступникам милостыню вошло здесь в обыкновение. Даже мелкие торговцы и торговки калачами и хлебом – и те не пропустят случая поделиться своим добром с несчастными» [Мозель 1864а, 332]. Отсюда проистекали положительные оценки местных жителей со стороны ссыльных. Так поляк-конфедерат, вынужденно оказавшийся во второй трети XVIII в. в партии ссыльных в Верхотурье, считал местного воеводу «весёлым и вежливым и сердобольным человеком, что заставило нас уважать

его высокие достоинства» [Записки 1886, 288-289]. Характерно мнение ссыльной, находившейся в 1839-1841 гг. в Березове о своей квартирной хозяйке: «Она относится к нам как к гостям, которых Провидение ей ниспослало» [Фелиньская 2005, 15]. Её соотечественник так же с большой теплотой отзывался о его личных отношениях с туринскими чиновниками и купцами [Ручинский 2005, 413-417]. Помимо человеколюбивых чувств местные жители испытывали определенные страхи по отношению к соседям-мигрантам. Приезжие, даже если они не желали, представляли скрытую угрозу прежнему комфортному существованию провинциалов. Нередко ссыльные, оказавшиеся в Зауральских городах, обладали знаниями, связями, жизненным опытом, несопоставимыми с интеллектуальным потенциалом жителей российской глубинки.

Для местного населения неведомый мир, представителями которого выступали ссыльные, был неизвестен, а потому и опасен. Первое вынужденное соприкосновение с элементами этого неизвестного мира провоцировало шоковое состояние. Э. Фелиньская приводит случай, произошедший на экзаменах в Берёзовском училище. Там выяснилось, что ссыльный Вакулински знает дроби. Это вызвало ажиотаж среди жителей Березова. Знатока математики останавливали на улице и засыпали вопросами [Фелиньская 2005, 98]. Когда Ю. Ручинский предложил туринскому почтмейстеру В.В. Колпакову отправить письмо эстафетой, «тот побледнел от страха, услышав моё пожелание.

– Увольте меня от этого! – воскликнул он. – За всё время службы своей никогда не отправлял я эстафету, не умею этого делать, ошибусь и пропаду!» [Ручинский 2005, 428]. Принадлежность пришлого субъекта к большому таинственному миру, расположенному вне провинциального социума, означала не только наличие скрытых потенций, но и вполне реальную возможность их негативной реализации. Чем и неоднократно пользовались криминальные элементы.

Большая часть ссыльных дореволюционной России, конечно, попадала в Сибирь (рис. 7), в том числе в города Берёзов и Туринск, но бывали и исключения. В частности, согласно указу 1806 г., губернские власти Перми имели право оставлять у себя в местном рабочем доме Приказа общественного призрения «для производства разных изделий» до 50 человек, отсылаемых в Сибирь за маловажные вины. Если эти ремесленники «поведением и трудолюбием своим» заслуживали смягчение наказания, то их рекомендовалось размещать в городах губернии. Кроме того, в ряде случаев лица, отбывшие сибирскую ссылку, в дальнейшем принудительно размещались в отдаленных провинциальных городах Европейской России. Обширная Пермская губерния административно считалась европейской, соответственно, для ссыльных путь домой мог лежать и через временное проживание в уездных городах Верхотурье и Ирбите.

Рис. 7. А Сохачевский «Прощание с Европой» 1894 г. Репродукция.

Приговорённый к ссылке снабжался денежными средствами для закупки продовольствия в дороге и при необходимости одеждой. В частности, для неимущих ссыльных, направляемых по этапу, могли выдаваться шапка, армяк, полуушубок, суконные шаровары, рубаха,

порты, рукавицы с варегами, онучи суконные, коты (вид обуви), портняки, мешок. Для женщин предусматривались также каптур (головной убор), две юбки: суконная и холстинная, платок (рис. 8). Сроки носки для ссыльных были установлены различные: от одного года для полушибка до полутора месяцев для кот, ведь обувь в дороге снашивалась быстро. По прибытии на место ссылки осуждённый мог обратиться к властям с просьбой о выделении денежных средств на съём квартиры и пропитание. Необходимыми условиями для получения минимального пособия были отсутствие средств к существованию, болезни и неспособность к занятиям, бытующим у местного населения [ГАСО Ф.621. Оп.1. Д.85, 7-20].

Рис. 8. Гравюра из книги Д. Кеннана «Сибирь и ссылка». Репродукция.

Количество ссыльных в разные годы в зауральских городах колебалось. На юге и в Пермской губернии их было меньше, на севере и в Тобольской губернии – больше. На количество ссыльных

влияли политические события в Польше. Участники национально-освободительного движения массово ссылались после подавления восстаний в Сибирь. При расселении учитывались способности к тому или иному виду деятельности. Поэтому власти стремились размещать в городах ссыльных лиц, не принадлежащих к крестьянским сословиям. Здесь им было легче найти средства к существованию. Иногда в городе ссыльных было несколько десятков, иногда это число приближалось к двум сотням. Так, в 1869 году, после подавления польского восстания 1863 г., в Верхотурье числилось 185 человек ссыльных. Из них 52 были сосланы по Высочайшему повелению, 99 – по судебным приговорам, 24 – по распоряжениям начальников Царства Польского, Кавказа, главнокомандующих армией, ещё 2 – «по распоряжению господ министров» и, наконец, последние 2 человека – по рапортам генерал-губернаторов [ГАСО Ф.621. Оп.1. Д.112].

Помимо собственно осуждённых в городе могли проживать члены их семей, добровольно отправившиеся в ссылку. Вышестоящие власти отслеживали количество преступников и их поведение в местах ссылки, чтобы избежать чрезмерной криминализации города или негативного воздействия преступного элемента на местное население. Ссыльные делились на две основные категории: уголовные и политические. Последних власти официально именовали «государственные преступники». Борцов за независимость Польши отличали сплочённость, чувство собственного достоинства, уверенность в правоте совершенных поступков. Екатеринбургский историк Т. Мосунова опубликовала часть сведений из писем, которые писал один из них Леон Крупецкий. В 1861 г. в доме, который принадлежал Крупецкому, готовилось покушение на царского наместника. Вина собственника дома доказана не была, но в ссылку его всё-таки отправили. С декабря 1863 по январь 1865 года Крупецкий находился в Верхотурье. Здесь он застал около 50 своих соотечественников. Интересны характеристики местному населению, которые ссыльный оставил в своих письмах. С одной

стороны поляк считал жителей Верхотурья ленивыми. «Долгая холодная зима приучила их к безделью, однако эту заразу они зачастую переносят и на лето, так что круглый год длится это сладостное безделье. Каждый из местных жителей после обеда обычно спит, потом походит немного, выпьет чего-нибудь горячительного и снова в кровать. Перед обедом работы имеет побольше, ведь надо думать о хлебе насущном». В то же время ссыльный зафиксировал относительную зажиточность и чистоплотность населения города, а также его равнодушие к соблюдению религиозных обрядов. В Верхотурье Крупецкий нанял отдельный дом и попытался заняться хозяйственными делами, но особых успехов не достиг. По данным Крупецкого, ссыльные поляки внесли немало нового в развитие местного сельского хозяйства: ввели в оборот до того неизвестные орудия, начали изготовление сыров, занялись разведением огородных культур [Мосунова 2000, 496-498]. Естественно, что состоятельные ссыльные из благородных сословий, да ещё с европейскими манерами, одновременно вызывали повышенный интерес, связанный с опасениями: не натворили бы чего...

На практике у горожан основные проблемы были связаны с теми ссыльными, которые стояли в низу имущественной и социальной иерархии. По сообщениям Э. Фелиньской, когда русская ссыльная женщина «подняла и спрятала платочек, который в толпе обронила какая-то девушка, казак, шедший рядом, заметил эту кражу, и не только он вынудил отдать взятую вещь, но и всё общество пришло в негодование и хотело запретить этой женщине даже появляться в церкви. Вмешалось духовенство и запретило распространять месть так далеко. Целый день только и говорили что об этом неслыханном происшествии. В Берёзове случаи кражи неимоверно редки. Ни один из местных, ни осяк, ни русский, не был ещё замечен в подобном прегрешении. Если такое и обнаруживалось, то абсолютно точно, что это «фрукт привозной». Сосланные иногда понемногу крадут, но эти мелкие кражи тотчас же обнаруживаются благодаря отсутствию сообщников и ловкости

в сбыте украденной вещи. Традиции так же, как и сама местность, оберегают берёзовских жителей от этой напасти. Собственность каждого находится здесь под охраной всеобщего доверия, в домах нет даже замков, однако ничего не пропадает» [Фелиньская 2005, 57-58].

В Государственном архиве Свердловской области отложилось множество материалов, связанных с пребыванием ссыльных в Верхотурье во второй половине XIX в. Кратко расскажем о характерных судьбах некоторых из них. В 1855 г. за «ложные доносы и показания» Гермоген Суворов из Костромской губернии был «лишён особенных прав и преимуществ». Сначала он два года находился в заключении в смирительном доме, затем его сослали в Верхотурье. Этот бывший коллежский регистратор просил по состоянию здоровья перевести его в Алапаевский завод, но, поскольку ссыльный по-прежнему «занимался сочинением ябеднических прошений» и был «дурного поведения», его просьба так и не была удовлетворена. Видимо плохую услугу Суворову оказал его сосед по квартире Пётр Смирнов, известный своим пьянством, да ещё и тем, что был «наклонен к воровству». В 1878 г. Смирнова, сосланного за кражи, нашли мёртвым. Причиной смерти стало пьянство [ГАСО Ф.621. On.1. Д.168, 6-7]. К 1876 г. престарелый Суворов, не получив в ссылке квалифицированной медицинской помощи, окончательно ослеп на оба глаза [ГАСО Ф.621. On.1. Д.69].

С 1859 г. находился под судом по подозрению в краже дворянин Гродненской губернии Яков Фальковский. После длительных разбирательств его осудили и в 1863 г. по этапу направили на два года в ссылку в Верхотурье без права отлучки. Сосланный обратился к властям о разрешении вступить в брак с мещанкой Кринской. Выяснилось, что с ней Фальковский «вёл блудную связь около 6 лет и прижил двух детей». Из-за бюрократических проволочек бракосочетание по римско-католическому обряду состоялось только в Перми. В Верхотурье Фальковский прибыл уже с женой и дочерьми Элеонорой 4 лет и Катериной 2 лет. Вскоре в семействе случилось прибавление. Родилась ещё одна уже третья дочь

– Мария. Длительная дорога подорвала здоровье Фальковского. В прошении властям о получении пособия он писал: «болезнь моя дорого мне стоила, так что лишился последней одежды, хотя по милости Божией и получил маленькое облегчение, но с давнего времени страдаю чахоткой и грудною болезнью, не в силах приобретать трудами рук своих пропитание». С аналогичным прошением обратилась и его жена Варвара Степановна. По её безграмотности руку к прошению приложил один из верхноторских мещан [ГАСО Ф.621. On.1. Д.76. Л. 7-12].

Осенью 1865 г. Фальковский решил поправить дела своего семейства, занявшись сбором милостыни. Подавать нищим и людям, оказавшимся в затруднительном положении, было в традициях русского населения. Крестьяне обычно жертвовали не столько деньгами, сколько хлебом. Фальковский купил по дешёвке лошадь с упряжью, кошевой и плетёным коробом и вместе со всем семейством (жена и дети могли быстрее разжалобить жертвователей) отправился за подаянием. Сбор милостыни вне города не считался для ссыльных правонарушением, если они получали билеты на право отлучки из города. Другое дело – незаконный отъезд. Незадолго до отъезда Фальковских в начале сентября 1865 г. одного из ссыльных Верхноторья арестовали в селе Меркушино без письменного вида, где он занимался нищенством, пропивая собранный хлеб [ГАСО Ф.621. On.1. Д.94, 51].

У Фальковских письменный вид также отсутствовал. Арестовали путешественников достаточно далеко от Верхноторья – в Ирбите, незадолго до открытия там знаменитой ярмарки, одной из крупнейших в России. Поскольку никаких документов у новоявленных нищих не было, началось следствие по выяснению личностей задержанных. Их квартирный хозяин, также из ссыльных, Ольшевский ядовито объяснил местной полиции возможную причину отлучки своих постояльцев: «живший у меня на квартире, состоящий под надзором полиции Яков Лаврентьев Фальковский, бывши одержим вместе с женой сифилитической болезнью и не имея никаких средств к лечению,

Тюрьма в г Ирбите, 1897г.

Рис. 9. Ирбитская тюрьма: фотография начала XX в.

не испросив дозволения от полиции, самовольно отправился в город Ирбит для того, чтоб его в Ирбите заарестовали» [ГАСО Ф.621. On.1. Д.76. Л. 57]. После отсидки в местном тюремном замке (рис. 9) Фальковские за казённый счёт, то есть опять по этапу, были отправлены назад в Верхотурье. После неудачной поездки Фальковскому дополнительно пришлось добиваться возвращения своей лошади, оставшейся в Ирбите.

Неудачи преследовали Якова Фальковского и в дальнейшем. Он так и не смог покинуть город, где числился на плохом счету. Прожив здесь 10 лет, 26 августа 1874 г. Фальковский подал прошение о причислении в местное мещанство, но уже в следующем месяце был арестован из-за кражи овцы и отсидел в тюремном замке три месяца. Он овдовел [ГАСО Ф.621. On.1. Д.149, 12-13], а его старшая дочь Екатерина с марта 1873 г. находилась на воспитании у коллежского регистратора А.П. Гаменюка и обучалась в Верхотурском женском училище [ГАСО Ф.621. On.1. Д.76].

Более удачной была судьба австрийского подданного Якова Реше. За «предосудительное поведение» он был сослан в Верхотурье, занялся торговлей, получив от властей билет на право отлучки в Ирбитский и Шадринский уезды. В 1866 г. Реше вступил в законный брак с верхотурской регистраторской вдовой Зоей Помазкиной, а в 1869 г. с него официально был снят полицейский надзор [ГАСО Ф.621. On.1. Д.77, 1-6].

В 1863 г. в Верхотурье попал дворянин, уроженец Могилевской губернии, Иван Евгений Феликс Девойно-Сологуб. Он обвинялся в кражах и беспорядках. Много позднее, в 1874-1875 гг., после получения дозволения свободно проживать в Пермской губернии, Сологуб выехал в Екатеринбург [ГАСО Ф.621. On.1. Д.66]. В 1863 г. по распоряжению губернатора Западного Края был выслан дворянин Игнатий Пржелуцкий за неблагонадежность «в политическом отношении» [ГАСО Ф.621. On.1. Д.78]. Ещё один поляк Викентий Каспаров Бенгковский, как политический преступник, сначала был сослан в Сибирь, затем его перевели на жительство в Верхотурье, где он жил как минимум до 1874 г. [ГАСО Ф.621. On.1. Д.89].

В 1865 г. здесь появились дворяне Игнатий Осмыловский, Михаил Борисовский и Юлиан Стефанович. У Борисовского в семье числились Владислав, Зигмунд, Антон (Антониан) и Магдалина. Поскольку его старшему сыну Антониану уже исполнилось 14 лет, встал вопрос, имеет ли он право на пособие, как член семьи сосланного. Начавшаяся бюрократическая переписка была затем прекращена: 26 мая 1866 г. мальчик умер. Со Стефановичем в ссылку отправились жена Констанция и дети: Камилия 10 лет, Фекла 5 лет, Андрий 7 лет и Константин 1 года. Естественно, что по прибытии в город одним из первых вопросов для них стал наём квартиры [ГАСО Ф.621. On.1. Д.85].

В 1865 г. в Верхотурье прибыл Казимир Скачковский, весьма колоритная личность. Этот дворянин был осуждён в Архангельской губернии за кражу сапог у мещанина Вардугина. Вора направили в ссылку, он попал в уездный Камышлов. Здесь Скачковский оказался связан с местными конокрадами, был обвинён в укрывательстве краденых вещей и подделке фальшивых кредитных билетов. Вина Скачковского не была доказана, его оставили «в подозрении» и от греха подальше направили в Верхотурье, где он поселился на квартире с ещё одним ссылочным – Гиршем. Но и здесь наш герой не успокоился. Здесь его подозревали в покушении на убийство [ГАСО Ф.621. On.1. Д.77, 14]. Затем в 1868 г. Скачковский

за укрывательство краденых лошадей и вещей попал в Верхотурский тюремный замок. Среди отобранных у вора вещей числились: конская сбруя, вожжи, гужи, чугунка четвертная, пара звонков (колокольчиков), топор без топорища [ГАСО Ф.621. On.1. Д.83].

В 1868 г. отставной штабс-капитан Константин Диков за произнесение «дерзких слов» против царя был выслан из Полтавской губернии в Пермскую. Сначала он отбывал ссылку в Шадринске; впоследствии был переведён в Верхотурье. В 1878 г. Дикову было уже 58 лет. Он ничем не занимался «по неспособности к чёрной работе». Его денежное содержание в ссылке обходилось казне 15 коп. в сутки и ещё 1 руб. 20 коп. в месяц шло на оплату квартиры. Жена и дети отставного штабс-капитана остались на родине. В этом же году из Шадринска переведён ссылочный – Григорий Пашинский, 66 лет, из дворян Овручевского уезда. Преступление, за которое он попал в ссылку, было достаточно распространённым в те времена – кража лошадей. Никаких занятий у него не было [ГАСО Ф.621. On.1. Д.169, 16-17].

В 1874 г. в Верхотурье ссылаются поляки, осуждённые по уголовным статьям: Лев Рогульский и Александр Масальский. Их появлению предшествовали острые драматические события в уездном Шадринске. Опустошительный пожар 1873 г. в этом городе лишил имущества большую часть местных жителей. Кто-то пустил слух, что Шадринск подожгли ссылочные, которых озверевшая толпа была готова растерзать [Гаврилов 1992]. Пермские губернские власти, спасая семерых ссылочных, сначала перевели их в Соликамск, затем распределили по другим уездным городам. В итогеober-офицерский сын Александр Масальский, укравший деньги и отличавшийся буйным поведением, ухитрился принудительно пожить под надзором полиции в Ирбите, Камышлове, Шадринске, Соликамске, Верхотурье [ГАСО Ф.621. On.1. Д. 90]. В 1878 г. также из Шадринска был переведён ещё один ссылочный, бывший губернский секретарь Павел Егоров, 38 лет, холостой из Псковской губернии. Причина наказания – кража часов [ГАСО Ф.621. On.1. Д.169, 17-18].

Непохожие биографии, разные виды преступлений и общее место вынужденного пребывания. Какие последствия имело нахождение ссыльных в уездных городах? С одной стороны, они обеспечивали некоторый заработка для небогатых жителей. Чтобы выжить, часть поселенцев занималась ремеслами и предпринимательством. Иные работали в услужении и по найму. Пребывание в отдалённых провинциальных городах людей европейской образованности с при-чудливыми и трагическими судьбами содействовало расширению кругозора местных жителей. С другой стороны, нахождение ссыльных мешало поддержанию правопорядка, вело к криминализации местных социумов, создавало у жителей чувство дискомфорта. Кроме того, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что «наплыв» значительного количества ссыльных вёл здесь к нездоровой диспропорции между количеством мужчин и женщин. Не случайно, в краях, куда попадали ссыльные, со временем стали бытовать частушки об их взаимоотношениях с местными женщинами:

Перед зеркалом стою,
Сама себя вижу,
Я политика люблю –
Мужа ненавижу.
Я по улице иду,
На щепку наступаю.
Я политика люблю –
Мужа забываю [Тетерин 1924, 201].

Нередко местным кавалерам было сложно конкурировать с чужаками по степени личной обаятельности. «Иное дело политический. Он весь другой с головы до пят», отмечали соседи инаковость ссыльных [Тетерин 1924, 201].

Различия между пришельцами и коренным населением могли иметь разные, причём изменчивые основания. В своё время Ю.М. Лотман отметил несходность поведения в ссылке декабристов

и революционеров последующих поколений: «Интеллигент второй половины XIX в. порой оправдывал свою слабость, запой, духовную гибель столкновением с непосильными обстоятельствами. Размышля над судьбами людей начала XIX в., он, прибегая к привычным схемам, утверждал, что среда была более милостивой к дворянскому интеллигенту, чем к нему – разночинцу. Судьба русских интеллигентов-разночинцев была, конечно, исключительно тяжела, но и судьба декабристов не отличалась лёгкостью. А между тем никто из них – сначала брошенных в казематы, а затем, после каторги, разбросанных по Сибири, в условиях изоляции и материальной нужды, – не опустился, не запил, не махнул рукой не только на свой душевный мир, свои интересы, но и на свою внешность, привычки, манеру выражаться» [Парсамов 2016, 117-118]. История колоний декабристов в Туринске, как и в других городах Зауралья, отчасти не только подтверждает данные выводы маститого ученого, но и вносит в них существенные корректизы [Еришов 2015д, 156-161].

Факты свидетельствуют, что сословной обособленности сосланных аристократов, их внешней сдержанности противостояли открытый негативизм и эпатажное поведение иных категорий ссыльных, нередко живущих по принципу «хуже, чем есть, уже не будет». Мотивы такого поведения раскрываются в письмах, отправленных из Кансского уезда Енисейской губернии в 1913-1914 гг. и попавших в руки полиции. Их автор из пролетариев, П.П. Ермаков, крайне негативно относился к местной колонии ссыльных: «Публика страшно разрозненная, никакой абсолютно сплочённости, каждый живёт только исключительно своими зоологическими интересами». Местные жители, по мнению ссыльного, «дикари», были ещё хуже: «вообще этакой идиотский народ, что дальше идти некуда. Ну что, говорю (далее следует нецензурное выражение – Е.М.), издевается Ваш Бог над Вами, ну так, говорю, пропадайте вы голодной смертию вместе со всеми вашими богами и святыми, хоть немного очистите воздух. Так, говорит, это бог испытания послал»

[ГАПК Ф.162.Оп.2. Д.168, 4-5]. Атеизм П.П. Ермакова, конечно же, не превратил его оппонентов в убеждённых материалистов. Однако циничные речи ссыльного обнажали особенности жизни в Российской глуши и выводили значимую информацию из сферы умолчания и некритического восприятия. В отношениях с таким субъектом следовало быть предельно осторожными. Демонстративное вызывающее поведение Ермакова показывало местным крестьянам скрытую силу и неуязвимость рабочего-богохульника.

Это, в свою очередь, могло провоцировать местных жителей на использование особых качеств ссыльных для решения своих жизненных нужд. Именно по такому пути пошёл на рубеже XIX-XX вв. И.П. Левицкий. «Туринский мещанин из ссыльных Иван Петров Левицкий, – сообщалось в одном из донесений, – посылающий из города Туринска в разные журналы свои корреспонденции, иногда расходящиеся с действительностью случившегося, не ограничивается этой деятельностью, а разъезжая по уезду, знакомится с крестьянами, пишет им прошения, уверяет, что всякая жалоба, им написанная, будет удовлетворена». И.П. Левицкий был лишен дворянства за политические преступления. С 1896 г. он оказался в ссылке в Туринске. Сохранилось описание образа жизни Левицкого, которому в 1902 г. исполнилось 32 года: «холост, имущественного обеспечения не имеет, средствами к жизни служат ему его корреспонденции в редакции нескольких сибирских газет, за что он получает постраничный гонорар. Ни к какому физическому труду не способен, поведения трезвого, ни в чем предосудительном не замечен» [ГУТОГА Ф.152.Оп. 18]. Судя по описанию, в глазах местных жителей Левицкий также мог быть представителем того культурного мира, который отличался чуждыми и малообъяснимыми потенциальными возможностями. В свете вышеизложенного, становится объяснима реакция властей на поведение ссыльного – он был осуждён на три месяца тюрьмы за оскорбление должностных лиц. Среди местного населения популярность такого автора-чужака

была схожа с популярностью колдуна, к которому обращались за помощью, но отнюдь не любили.

Источники свидетельствуют о непростых взаимоотношениях городского населения и ссыльных. Присущая большинству горожан относительная свобода в выборе занятий подрывалась самим фактом принудительной ссылки в город. В то же время ссыльные расширяли степень иной свободы: свободы знания. При этом особой сложностью отличалась жизнь интеллигентов, которые попали в провинциальную глушь не по своей воле. Осуществляемая ими фиксация произошедших событий, особенно письменная, воспринималась на местах в качестве подрывных действий. Размещение ссыльных в периферийных городах, вне зависимости от положительных и отрицательных моментов, содействовало большему включению этих городов в культуру большой России.

1.3. Социально-психологический климат в городе

Проблема урбанизационных процессов в России – одна из самых острых в общественных дисциплинах. Не вдаваясь в детали научной полемики, отметим, что нельзя недоучитывать психологических аспектов данного явления. Так, по мнению Б.Н. Миронова, «самое старое мнение – городами являются те поселения, которые признавали городами современники, – не устарело до сих пор. В силу этого целесообразно признать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они проживали в городе» [Миронов 1999, 282]. Однако если города являются осознающими себя территориальными общностями, то для историка-урбаниста будет оправданной постановка ряда вопросов. Какими социальными нормами руководствовались их жители? Какая мотивация заставляла горожан соблюдать эти нормы? И, наконец, из каких компонентов складывался социально-психологический климат в локальных городских социумах, что влияло на его изменение?

Исследование социально-психологического климата максимально важно. Мы не поймём глубинных причин российских катастроф, если не будем учитывать социальных настроений в конкретных населенных пунктах. Насколько там комфортно жилось? При этом социально-психологический климат понимается как «преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу». Социально-психологический климат также обнаруживает себя в отношениях человека к миру в целом, к себе лично [Парыгин 2003, 508-512]. В данном разделе кратко проанализированы исторические предпосылки формирования социально-психологического климата, способы его поддержания и последующая деградация в городах Северного Зауралья. Каковы были основные элементы, составляющие структуру этого климата? Ряд исследователей

выделяют у жителей конкретных городских поселений некую отличительную культурную (цивилизационную) матрицу, близкую по своим значениям к социально-психологическому климату. Учёные считают, что в данной матрице можно выделить четыре основных элемента: информационный, аксиологический (ценностный), коммуникационный и деятельностный [Зaborова 2015, 186]. По нашему мнению, культурная матрица собственно и есть социально-психологический климат города, очищенный от наносных ситуативных моментов и взятый в длительном историческом развитии.

Кратко проанализируем проявления данных и некоторых других элементов в социокультурной эволюции изучаемых городов. Начнём с того, что города Северного Зауралья близки по своему происхождению. Они относятся к числу первых русских поселений за Уральским хребтом. Первоначально, когда эти города окружало враждебное население, существовала опасность физического уничтожения этих населенных пунктов и их жителей. Наличие общей исторической памяти сближало население, содействовало выработке единых аксиологических установок и формированию необходимых образов городов. Так, например, часть старожильческого населения Берёзова из казаков считала себя прямыми потомками казаков, сподвижников Ермака [Путинцев 1891, 251-253].

Позднее, с освоением территории Зауралья, военно-административные функции городов были дополнены функциями торговыми. При этом торговля вне города или крупная ярмарочная торговля в пределах его территории требовали от местного населения коммуникации с иногородними и даже иноязычными торговцами и общих скоординированных усилий. Та же Ирбитская ярмарка могла существовать только благодаря единодушной поддержке жителей города. Обслуживание многочисленных паломников, приходящих к Праведному Симеону, не являлось исключительно частным делом отдельных жителей Верхотурья. Рискованные торговля с аборигенами

и заготовка рыбы в низовьях Оби формировали у жителей городов Берёзова и Туриенска навыки общения и взаимную деятельность поддержку.

Дополнительными объединяющими факторами для жителей выступали их принадлежность к городскому обществу – юридическому собственнику имущества города, а также коллективное противостояние государственной администрации, часто излишне увлечённой изыманием налогов и организацией различных повинностей. Внешнее давление, как военное, так и мирное, объективно содействовало сплочению городских социумов. Большинство их членов принадлежали к близким сословиям, жили соседями в пределах шаговой доступности, имели приблизительно одинаковый культурный багаж, массово тяготели к промыслам и торговле, были родственниками и кумовьями. Своё пребывание в родном городе обычный человек воспринимал как комфортное и оправданное.

Нивелирование различий не было абсолютным. Оно не исключало конкуренции, открытых конфликтов, скрытых негативных проявлений, разницы в материальном положении, борьбы амбиций между жителями. Меньшая часть горожан принадлежала к привилегированным сословиям (дворяне, военные и гражданские чины, казаки), большая часть относилась к податному населению. По воспоминаниям Э. Фелиньской, в Берёзове для женщин из числа податных сословий, даже если они были из богатых купеческих семейств, считалось недопустимым носить чепцы и шляпки. С одной из нарушительниц устоев жители грозились сорвать головной убор и растоптать его ногами прямо в церкви [Фелиньская 2005, 27]. Эти противоречия внутри города, насколько бы острыми они не являлись, не отменяли базового положения. За исключением столиц и крупных управленческих центров повсеместно господствовала, хотя и с разными вариациями, провинциальная действительность. Она диктовала необходимость сохранения добрососедских отношений в среде местного населения.

И напротив, приезжие, не зная специфики конкретного населённого пункта, могли провоцировать те или иные конфликты. Связано это было с особенностями межкультурной коммуникации, под которой понимаются связи и общение между представителями различных культур. Долгое время в отечественной провинции господствовали нормы патриархального мира. Этот локальный мир отличался статичностью и тяготел к закрытости от внешнего окружения. Его изменения были однократные, разовые. Возникший прецедент не должен был тревожить «тишину и покой». Взамен старой нарушенной гармонии он создавал иную, хотя и принципиально схожую с ранее утраченной. По-настоящему качественные изменения были связаны с переходом от стабильного существования к социальной динамике.

Первоначально слово, информация вообще, привнесенные сюда извне, из большого мира, были соединены с тайной. Предполагалось, что их носители обладали знаниями, недоступными для непосвящённых. К числу носителей тайны относились священник (или захарь), феодал, паломник. В былинные времена в глазах окружающих они обладали героическими, палаческими и жреческими свойствами. От этих акторов исходила неведомая сила и скрытая опасность. Однако в Новом времени их возможности деградировали. Во многом носители тайн перестали выполнять свои прежние функции. В их арсенале, конечно, ещё оставались некие неявные угрозы, но действие этих угрознейтрализовалось или минимизировалось обычными пожертвованиями. Связано это было с товарно-денежными отношениями, обмирщением сознания и укреплением бюрократических институтов самодержавного государства. Итак, благодаря развитию единого национального рынка уменьшилась зависимость провинции от прежних посредников с большим миром.

Потребовались иные носители востребованной информации в сфере коммуникации. Рядом с привычным, укорененным на одном месте священником, близким к своему приходу, появились хваткие,

лёгкие на подъём бродячие мелочные торговцы. Звали их по-разному: офени, коробейники, владимирцы, вязниковцы, ходебщики [Карцов 1971, 99]. Не будучи служителями культа, они тем ни менее оказывали культовые услуги, несли знания о культе, о запредельном мире, ведь изначально их основным товаром были иконы [Дубровский 2008, 104-109]. Затем к иконам добавились лубочные картинки и книги, которые лучше продавались под завлекательные рассказы о неведомых местностях. Обладали эти торговцы и тайнами. Они широко использовали профессиональный сленг для обмана покупателей, не знавших их «оффенского» языка. Вязниковцы оседали на постоянное место жительства, стремились пробиться в ряды местного купеческого сословия.

С временем их коммуникативные функции начали переходить к иным социальным институтам. Главным среди них была система образования. В провинции шаг за шагом исчезало прежнее недоверие к образованию. Уменьшались опасения родителей относительно детей: что они заучатся, зазнаются, перестанут почитать старших [Ериков 2010, 203-204]. Неразвитость школьного образования восполнялась толстыми литературными журналами и самодеятельными учителями. В приватном пространстве выросла роль образованных небогатых на-персниц, приживалок, позднее – домашних учителей и репетиторов. Объективно они также выступили медиаторами между провинцией и столицей. Большое значение имело самообразование. В провинциальном захолустье появился интерес к газетам и журналам, начали создаваться мемуары и вестись дневники, организовывались любительские театральные постановки.

Возникла своеобразная мода на краеведческие заметки в центральной прессе. При этом передача информации часто была двусторонней. Так, например, публикуя в столичном издании сведения о местной провинциальной действительности, автор тем самым включал в систему межкультурных коммуникаций большой России себя и своё

социальное окружение. Нечто подобное происходило с собиранием коллекций и созданием провинциальных музеев. В культурном плане комплектование, хранение и выставление на всеобщее обозрение каких-либо экспонатов предполагало, что они существуют вне местной обыденности. Музейные предметы, в конечном итоге, были характерны для иного времени и иного мира. Именно там они обладали потребительскими свойствами [Ериков 2004, 455]. Появление в провинциальном мире краеведов, коллекционеров и музеев свидетельствовало об утрате стабильности и росте дефицита на принципиально новую информацию. Её требовалось всё больше, и активный индивид теперь был ориентирован на самостоятельные поиски.

Коммуникативные функции осуществляло также и гражданское чиновничество. Властные полномочия военных и гражданских чинов, их поголовная грамотность, принадлежность к дворянскому сословию или возможность вхождения в его ряды создавали мощную мотивацию для заимствования их достижений остальными членами провинциального социума. Ранее для патриархальной среды чуждые ей государственные чины равно принадлежали к некоему почти потустороннему неведомому миру. Простым людям в лучшем случае от них можно было ожидать почти узаконенных вымогательства и мошенничества. В худшем – совершения преступлений и общения с нечистой силой. Эти опасения были во многом преодолены. Постепенно вокруг носителей официальной культуры начало формироваться подражающее им социальное окружение. Не имея возможности уехать в столицу, местная образованная публика переносила столичные нормы на провинциальный уровень.

После 1861 г. для этого возникли наиболее благоприятные условия. В дополнение к чиновникам и предпринимателям в провинции появился новый актор межкультурной коммуникации – общественный деятель. К концу XIX в. во внестоличном мире существовало множество добровольных обществ: кооперативных, благотворительных, литературных, пожарных, охотничьих, спортивных. Все они тем или иным образом

имели отношение к межкультурной коммуникации. Быстрой трансформации подверглись медиаторы, которые издавна относились к сфере традиционной культуры. Так, институт религиозного паломничества с его многовековой историей перевоплощался в антисоциальное профессиональное нищенство, у которого угасали функции межкультурной коммуникации [Свирский, 2009].

У зажиточного любознательного человека, живущего в глубинке, исчезал познавательный интерес приглашать к себе в дом странников, живущих Христа ради. Преодоление греховности также перестало изживаться привычными способами. Ранее паломники возмещали свои нелегкие дорожные испытания приобщением к недоступной сакральной информации и получали неформальное право на её дальнейшее устное тиражирование в очеловеченном пространстве. Теперь на смену паломничеству пришел туризм, комфортно существующий по рыночным законам. Относительная доступность мест поклонения, развитая дорожная инфраструктура и напечатанные путеводители обесценивали добытую информацию и усилия её носителей.

Росло количество акторов, которые действовали в сфере межкультурной коммуникации. Это означало качественное усложнение провинциального мира. От стабильного состояния он перешёл к динамичным изменениям. Схематично данные изменения представлены ниже (табл. 1):

Таблица 1
Изменения психических состояний
у акторов межкультурной коммуникации

Состояние провинции	стабильное состояние	разлом стабильности	динамичное состояние
акторы межкультурной коммуникации	священник	коробейник	работник сферы образования
	феодал	чиновник	общественный деятель
	паломник	нищий	турист

Из таблицы следует, что акторы, занятые в сфере межкультурной коммуникации, после утраты доминирующих позиций не исчезали окончательно. Происходило другое – их смещение на периферию провинциальной культуры. Необходимо также обратить внимание на то, что количественный рост культуры закономерно оборачивался неизбежным падением её качества и отчасти нравственным упадком. Множество личностей помимо их воли были заброшены в крутой водоворот социальных изменений. У них неизбежно возникало чувство психического дискомфорта.

Характерный пример: в конце XIX в. вступил в конфликт с населением Берёзова недавно приехавший молодой священник Иоанн Голошубин. Жители города во главе с церковным старостой неоднократно жаловались церковным властям, что «почти каждую литургию пастырь поддерживает своих прихожан поучениями, но поучения его, как мы понимаем, в большинстве обличают личности и укоризны, чрез это некоторые прихожане совершенно прекращают посещать этот храм» [Правосл. приходы 2004, 184]. Помимо психологического неприятия были и экономические причины: при трате церковных сумм новоприбывший батюшка мало считался с мнением своей паствы. Кроме того, как сообщали прихожане, ироничный священник «не желает совершенно расположить к себе прихожан православных, напротив, отталкивает их своею гордостью, а сблизился более с польским элементом и с такими лицами, которые доставляют ему удовольствие играть с ним в карты» [Правосл. приходы 2004, 191]. В итоге образованный священник-краевед так и не смог найти общего языка с жителями Берёзова. Субъективно своим поведением, отличным от местных норм, он создавал для населения города психический дискомфорт.

Рядовой житель города экономически, культурно и, самое главное, психологически должен был быть тесно связан со «своим» провинциальным социумом. Если по каким-либо причинам

он и переселялся в другой город, то, по сути, и на новом месте жительства почти ничего не менялось. Материальные успехи отдельных лиц также не вели к отказу от тесных межличностных контактов в небольшом городе. Напротив, разбогатевший человек больше жертвовал на нужды родного города, становясь его благодетелем. Таковыми были купцы Походяшины и Поповы в Верхотурье, Нижегородцевы в Березове.

Однако данное положение начало меняться во второй половине XIX в. Освобождение крестьян от крепостной зависимости спровоцировало рост городского населения. Теперь даже провинциальные города во многом перестали быть общностями, основанными по преимуществу на личных связях. Внутри них прежнее единство начало распадаться. Усиливавшаяся горизонтальная и вертикальная мобильность порождали дополнительную дифференциацию в среде горожан. Отныне жители городов различались не только по материальному достатку, но и по ранее приобретенному опыту, своей образованности, принадлежности к социальным стратам. Городская реформа покончила с единством городского общества. На смену сословной близости пришли различия по имущественному цензу. Городскими имуществами стали распоряжаться состоятельные верхи. Нельзя не согласиться с выводами историка Б.Н. Миронова о негативных последствиях реформы: «Правление, состоявшее из цензовых граждан, получило право заниматься делами общества, рядовые граждане были фактически отстранены от управления и принятия решений, им оставалась роль статистов. Так прекратила свое существование непосредственная демократия в обществах купцов, мещан и ремесленников» [Миронов 1999, 502-503].

Интересно, что образованная часть российского общества заметила, но не смогла должным образом оценить эти негативные тенденции. Общественная поддержка нового городского и земского

самоуправления дополнялась свидетельствами нарастания психического дискомфорта, аморализма и преступности в провинциальной среде. Особенно здесь важны опубликованные подтверждения отечественных бытописателей – художественных знатоков человеческих душ [Еришов 2015ж]. Неизбежный распад городских общностей обострялся в России субъективными моментами. Современники критично относились к малым, экономически «неперспективным» городам. Образованной частью общества они воспринимались как неполноценные, с их «второсортным» мещанским составом населения. Весьма типично, что четыре анализируемых города также столкнулись с упрёками в отсутствии подлинности. Всё это вело к ощутимым административным последствиям. В дореволюционной России Берёзов, Туринск, Верхотурье и Ирбит в большей или в меньшей мере всегда оставались местами политической и уголовной ссылки. По сравнению со ссылочными-одиночками (аристократичные участники дворцовых переворотов, декабристы), их многочисленные преемники оценивали своё пребывание в провинциальной глухи только негативно. Ранее между ссылочными дворянами и остальными горожанами существовала социальная дистанция. В новых обстоятельствах с другим ссылочным контингентом она ощутимо сократилась. Открылись иные возможности для межкультурной коммуникации. Далеко не всегда это было благом для местного населения. При данных контактах роль вынужденных реципиентов оставалась у представителей патриархального мира.

Получаемая новая информация, добровольная и принудительная миграции быстро подрывали адаптационные возможности патриархальных компонентов городской культуры, что непосредственно влияло на изменение социально-психологического климата в городах Северного Зауралья. Вышеизложенные положения схематично обобщены (табл. 2):

Таблица 2
Проявления социально-психологического климата
в городах Северного Зауралья

Периоды	Отношение к миру	Отношение к общему делу	Отношение друг к другу	Отношение к самому себе
1-я пол. XIX в.	Восприятие пространства как дикого края, в котором, за исключением родного города, ещё не укоренились христианские начала	Люди со схожими занятиями торговлей и промыслами, являются наследниками легендарного «сибирского взятия»	Как к носителям христианской культуры, добрым соседям, живущим в едином городском обществе	«Я» – член конкретного правильно устроенного социума
2-я пол. вторая XIX в.	Критичное восприятие официальной религиозности для «всех», обязательной в городе и крае, скрытая и хаотичная оппозиция к «верхам»	Для большинства горожан сфера общего дела сокращается либо уже отсутствует	Как к конкурентам либо как к представителям чуждых социальных слоев	Моё «Я» «размыто» множеством в разных социальных группах

Сравнение двух периодов эволюции провинциальных городов XIX в. показывает ухудшение социально-психологического климата в городской среде и деградацию местных коллектиivistских начал. Данные тенденции развивались подспудно. Их «выброс» первоначально был явлением исключительным, не для всех, оставался уделом взвинченных одиночек. Так, например, по сведениям ссыльного С.П. Швецова, один из богатых торговцев Сургута в старости задумался о своей жизни: «Сорок лет он не знал, что такая совесть, сорок лет она в нём спала, а тут вдруг пробудилась и стала грызть его душу. Ему

припомнилось всё, что он проделывал с инородцами, каждый обман, каждое надувательство. Всякому встречному он каялся в своих прегрешениях, говорил, что торговля загубила его душу, что ему не будет места на том свете и т. д. Ему виделись загубленные им, ограбленные жертвы. Торговлю он бросил, стал молиться Богу и так прожил ещё года два, постепенно хирея и угасая; перед смертью сделал такое завещание: он, как великий грешник, недостоин лежать на кладбище вместе с другими, а потому пусть его похоронят в кладбищенских воротах, чтобы каждый проходящий, даже последний остык попирал его прах ногами. Завещание было в точности исполнено» [Швецов 1998, 106-107].

Нет сомнения, что в большинстве случаев негативное отношение проявлялось в менее драматичных формах. Тот же С.П. Швецов зафиксировал в 80-е гг. XIX в. у местного населения разложение наивного патриотизма под влиянием пароходного сообщения: «Отношение сургутян к своей родине не одинаково. Те из них, которым удалось побывать в иных, более привлекательных местах, например в Тобольске или Тюмени (не говоря уже о Томске, который представляется сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), смотрят на Сургут и всё сургутское с нескрываемым презрением, пожалуй, даже с враждой; их уже не удовлетворяет всё местное, кажется диким, смешным, они и на себя начинают смотреть как на нечто высшее в умственном и нравственном отношении, чем их земляки, не бывавшие дальше Берёзова. Им душно и тесно в Сургуте, их неудержимо тянет вон из него, туда, где, по их мнению, жизнь кипит» [Швецов 1998, 44].

Последующие негативные проявления скрытых прежде социально-психических процессов оказались исторически закономерными. Постепенное вхождение населения России в свою Великую революцию осуществлялось и на столичном уровне, и в провинциальных городах, в том числе в Северном Зауралье. При этом потребности развития страны и субъективное восприятие городским населением своего места в периферийном социуме существенно различались. Коллективная

тяга провинциалов к комфорту предполагала усреднённое развитие без излишних потрясений, неожиданных перспектив и внезапных поворотов. «Однако, в отличие от современности, основной упор делался не на повышение толерантности и поддержку культурного разнообразия, а на подавление процесса структурного усложнения общества и поддержание легитимности культурного доминирования», – отмечает один из исследователей античных городов [Вендина 2016, 130].

К сожалению, данный вывод вполне применим не только к античности, но и к провинциальной России Нового времени. Почти всё население небольших городов признавало желательность добрососедского существования на местном уровне. Нередко жители, исходя из благих намерений, стремились отгородиться от новых веяний и насильственно сохранить прежние общинные связи. Однако усиление имущественной и культурной дифференциации, ухудшение социально-психологического климата в городской среде были признаками радикальных изменений жизни и грядущих катастрофических потрясений.

Глава II

Городская культура вне городов

2.1. Города и региональная торговля

Развитие рыночных отношений и переход к индустриальному обществу взаимно дополняли друг друга. В начале такого перехода на рынке господствовали периодичная (ярмарочная) и развозная (разносная) виды торговли. Особенно они были характерны для провинциальных городов. Здесь сосредоточивались предприимчивые люди, стремящиеся к обогащению. Их усилия поддерживались местными властями, добивавшимися усиления экономического веса своих городов. Однако всё это одновременно вело к их зависимости от нестабильного рынка. Без развитой материальной инфраструктуры небольшие города не имели действенных механизмов воздействия на региональную торговлю. По отношению к городам она выступала внешней активной силой, с которой им приходилось считаться к которой необходимо было и приспособливаться. Несомненно, что в исторической конкретике были реализованы различные варианты адаптации. Наша задача заключается в выявлении степени воздействия региональной торговли на экономику и культуру городов Северного Зауралья.

«Город не может существовать изолированно. Он обслуживает другие города, о которых можно сказать, что они составляют «торговый район» данного города. Этот район, в свою очередь, обслуживает город», – замечает известный американский географ [Александер 1965, 81]. Город мог как приобретать, так и утрачивать «торговый район». В таком неустойчивом положении в середине XVIII в. пребывали Берёзов, Туринск, Ирбит и Верхотурье. Первый из них, и самый северный Берёзов, во многом ещё только осваивал свой район, на обслуживание которого он

был нацелен (рис. 10). Связано это было с отдалённостью территории, окраинным положением города и медленным развитием товарно-денежных отношений в среде обско-угорских и самодийских народов.

Рис. 10. К.И. Голембiovский Гравюра с видом г. Березова. Вторая половина XIX в.
Репродукция

Не случайно, что на рубеже XVIII-XIX вв. в этом казачьем городке значительная часть купцов была из пришлого населения [История 1999, 122-124]. Освоение новых территорий вело к тому, что город постепенно наращивал свои торговые обороты. Франц Беляевский, побывавший в Берёзове в середине 20-х гг. XIX в., зафиксировал здесь городскую торговлю как «совершенно ничтожную» и одновременно как всеобщее занятие при немалых количествах товаров, закупаемых у аборигенов [Беляевский 2004, 28-33]. Возникающее противоречие снимается, если учитывать именно внегородскую торговлю, со специфическими взаимоотношениями русского покупателя и аборигена-продавца.

Смещение торговых путей южнее, наряду с закрытием верхотурской таможни привели к угасанию торговой активности. Прежние примитивные рыночные структуры, «прикреплённые» к немногочисленным дорогам, вслед за их переносом «поползли» к югу, «оголяя» северные города. «Город переживал кризис», – замечал Л.Е. Иофа о Верхотурье второй половины XVIII в. [Иофа

1951, 186]. По нашему мнению, оценка Л.Е. Иофа нуждается в некоторой корректировке. Отчасти она была осуществлена М.М. Громыко: «Положение Верхотурья на стыке промышленного Урала и осваиваемой Сибири при определённых благоприятных возможностях выдвигало наиболее активно и ловко приспособлявшихся к условиям феодального государства богатых горожан в ряды буржуазии. Но их капиталы и деятельность не были связаны с экономикой Верхотурья, которое оставалось мелким и медленно развивающимся провинциальным феодальным городом», – делает вывод учёный, оценивая деятельность верхотурских купцов [Громыко 1965, 52-53].

С этим заключением также нельзя согласиться полностью. Во второй половине XVIII в., когда город уже утратил прежнее значение, взлёт таких верхотурских купцов, как Поповы или Походяшины, объясняется не столько особым экономико-географическим, «стыковым» положением поселения (им обладали все города Зауралья, причем северное Верхотурье в наименьшей мере), сколько его предшествующим развитием (рис. 11). За прошедшие полтора века им был накоплен богатейший опыт предпринимательства. С потерей прежних торговых функций этот скрытый потенциал выплынулся наружу, стал реализовываться вне городских стен.

Не вполне оправданно и утверждение, что капиталы крупнейших верхотурских купцов не были связаны с экономикой города. Для примера можно сослаться на ещё одну работу М.М. Громыко: «Жили Походяшины в Верхотурье в огромном деревянном доме с богатой резьбой наличников и порталов, растянувшемся на целый квартал и выходившем торцом на главную улицу. Дом стоял возле Покровского монастыря, пользовался особым покровительством Максима Михайловича, который выстроил монастырю две церкви, снабдив их необходимыми принадлежностями» [Громыко 1973, 144].

Итак, город оказался местом проживания крупных предпринимателей и связанного с ними населения. Данная функция, разумеется,

была временной. Переселение верхотурцев из родного города происходило параллельно с адаптацией к новым условиям. Значительный интерес для них представляли города Южного Зауралья. Так, в 1796 г. верхотурский мещанин Дмитрий Маслов решился записаться «в оклад» по Ирбиту купцом 3-й гильдии, с объявленным капиталом 2050 руб. [ГАСО Ф.644. On.1. Д.16, 6-7]. В 1839 г. в 3-ю гильдию Шадринска записался верхотурский мещанин Яков Веселов [ГАШ Ф.474. On.1. Д.358, 124, Д. 365, 3]. Список примеров можно продолжить.

Рис. 11. Г. Верхотурье начала XX в. Репродукция гравюры.

Из Верхотурья осуществлялась и вербовка наёмных работников на Богословские заводы. В частности, этим занимался верхотурский купец Юшков [Словцов 1887, 12]. Активно действовали и приказчики Походяшиных. Они предоставляли ссуды для неимущих, фактически закабаляя их [Чудиновских 1982, 80-81]. Для жителей города такая зависимость облегчалась земляческой и корпоративной близостью к денежным воротилам. Естественно, что определённый «демократизм» Походяшина [Чупин 1882, 113] распространялся в основном на близких ему людей. В опубликованных Н.К. Чупиным фактах притеснения Походяшинами работников двое из трёх упомянутых верхотурцев

были сосланными поселенцами, психологически не готовыми стать «настоящими» горожанами [Чупин 1882, 121-122].

Жители Верхотурья выгодно отличались от обычных наёмных рабочих. На Богословских заводах в конце XVIII в. верхотурцы не занимались «ручными работами». Сообщалось, что они «единственno работают на конях» [Чудиновских 1975, 21]. Город был административным центром уезда с крупным горнозаводским массивом, поэтому здесь жили и многие чиновники горного ведомства, в том числе в отставке, либо их вдовы с немногочисленными дворовыми людьми [ГАШ Ф.475. On.1. Д.480, 73-77]. Связь с администрацией помогала горожанам проникать на горные заводы. Для жителей Верхотурья был характерен не переход от торговли к производству, а замедленный обратный процесс. Родственники горных чинов разными путями втягивались в предпринимательство. Первоначально корпоративные связи местной верхушки, её закрытость для посторонних и отсутствие конкуренции вели к гигантским торговым оборотам. Так, например, в 1821 г. верхотурский купец 1-й гильдии Андрей Попов обратился за разрешением к начальнику Колывано-Вознесенских заводов о закупке 100 тыс. пудов хлеба на Алтае [Разгон 1993, 25].

Однако «закрытость» крупнейшего купечества и отток предпринимателей препятствовали появлению новых крупных капиталов. В этих условиях вступающие на торговое поприще были обречены существовать «вечными аутсайдерами», что влекло за собой неизбежную деградацию. П.А. Словцов обоснованно замечал, что «влияние Походяшиных (...) на дух городской промышленности было сильно. Зеленцовы, служившие при его делах, сделались впоследствии откупщиками. Поповы, ученики Зеленцовых, вышли в капиталы тем же ремеслом». Исследователь Сибири, побывавший в Верхотурье в 1828 г., также зафиксировал запустение города и утрату интереса верхушки купечества к горнозаводской промышленности [Словцов 1886, 46-47].

Приведём примеры, отражающие отношение современников к верхотурской торговле. В начале XIX в. Н.С. Попов указывал на незначительные торговые обороты города и на то, что жители Верхотурья «оборотливы», «стремительны» [Попов 1813, 87-88]. В статье «Города Пермской губернии» от 1839 г. уже фиксируется зависимость от Ирбита: «Верхотурские купцы запасаются хлебом на Ирбитской ярмарке, торгают преимущественно пушными товарами и мясом» [И.Р. 1839, 7]. И, наконец, в начале 60-х гг. XIX в. Мозель категорично заявлял: «В торговом отношении Верхотурье не имеет в настоящее время никакого значения» [Мозель 1864б, 698]. Итак, тенденция к консервации устоявшихся отношений помогала горожанам сохранять стабильность существования, но одновременно вела к сужению влияния Верхотурья в торгово-экономической сфере.

Относительное благополучие жителей и их связь с горными заводами определяли особенности торговли Верхотурья. Его торговцы продавали на Ирбитской и Нижегородской ярмарках пушнину. Вернувшись, они торговали в городе «шёлковыми, шерстяными и более хлопчатобумажными товарами, также кожаными, особенно шитою крестьянскою обувью и для рабочих лошадей сбруей, жизненными припасами, получаемыми большей частию из других соседственных уездов» [Макарий 1854, 39]. Город пока ещё сохранял значение в продаже кожи, рыбы, рогож [Лепехин 1814, 41, 78], извести, жернового камня, в урожайные годы – кедровых орехов [ГАПК Ф.36. Оп.1.Д.58]. Но ни один из перечисленных товаров не обладал уникальностью, что также вело к застою. Это был тупиковый путь эволюции – участники рынка все менее нуждались в его посредничестве.

Об ограниченности торговли свидетельствовали и авторы «Экономического состояния городских поселений Европейской России». По их данным, в 1792 г. здесь была открыта ярмарка, проходившая с 20 декабря по 10 января, но не имевшая экономического значения. К началу 60-х гг. XIX в. здесь действовали уже две ярмарки,

всё также ничтожные [Экон. состояние 1863, 7]. По сведениям Н.С. Попова, в городе находился гостиный двор, состоящий из деревянных ветхих «в две линии построенных лавок, ряд которых числом 20» [Попов 1813, 312-316]. Корпоративная и земляческая солидарность непосредственно определялась успехами выходцев из местного купечества. Так, например, Зеленцовы разорились уже в 1819 г. [Копылов 1973, 195]. А, напротив, богатеющий коммерции советник Ф.И. Попов в 1832-1833 гг. предоставил средства на постройку части нового гостиного двора. Это была линия из 32 деревянных лавок на каменном фундаменте. В Верхотурье рано, в 1837 г., появился общественный банк, благодаря выделенному капиталу в 14 285 руб. А.Я. Поповым [Экон. состояние 1863, 9]. Но сама торговая инфраструктура так и не получила особого развития. Последний гостиный двор Верхотурья окончательно (с двумя линиями торговых лавок) был выстроен только в 80-х гг. XIX в. Это были деревянные лавки, скорее напоминавшие рынок в зажиточном селе. «Сохранились фото, запечатлевшие городскую торговую площадь начала ХХ в. Термин «гостиный двор» даже не очень подходит для определения характера этих сооружений» – замечает исследователь Верхотурья [Корчагин 2001, 136-137].

И всё же город нашел возможности для экономического развития. В XIX в. его существование во многом определялось обслуживанием богомольцев. Дело в том, что в 1704 г. мощи святого Симеона были перенесены в Верхотурье, куда и направлялись люди на поклонение. Впоследствии появилось «Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона Верхотурского – чудотворца и честврвании святых мощей его» [ГАСО Ф.603. On.1. Д.363].

Туринск не имел преимуществ Верхотурья. Но его население проявляло куда большую активность в торговле и ремесле. Помимо низовий Оби туринские торговцы регулярно появлялись на Ирбитской ярмарке, в Пельме, в сибирских городах [Никольский 1865]. Как и жители Берёзова, они специализировались на заготовке и продаже

Рис. 12. План г. Туринска середины XIX в.

и возвращаются обратно в октябре месяце. В сей ходьбе и обращении их почитается расстояние три тысячи вёрст, а другие же из купечества, как живущие в городе, а особенно в уезде, кормятся от хлебопашества, иные нанимаются своей братии достаточных купцов в приказчики и последние, уже задолжав, находятся у купцов и прочих обывателей в чёрных работах, другие же по достаточству и одобрениям купеческим вступают в ряды, поставкою из Тобольска в верхние города водяною коммуникацией и сухим путём, для народного продовольствия казенной солью в города Тюмень, Екатеринбург, Туринск, Верхотурье и Пелым, в дистрикты Ялуторовский и Краснослободской с ведомствами» [Описание Туринска 1828, 210-211].

В «Описании» фиксируется господство внегородской торговли. Отсутствие крупных капиталов у туринцев вело к унификации их занятий. Экономическая необходимость их вынуждала браться за любую деятельность, приносящую хоть какой-нибудь доход. Мелкое предпринимательство часто уводило горожан далеко от компактного уютного Туринска (рис.12). В Челябинске в 30-е гг. XIX в. действовал туринец Козлов, опустившийся затем в мещанское сословие (с 1839 г., очевидно, после его смерти в делах фигурирует только мещанка Козлова). В архивных фондах отложились дела о содержании им винных погребков и иски к туринцу многочисленных кредиторов [ГАЧО

рыбы, скупке и перепродаже пушнины [Громыко 1965; 67]. В «Описании города Туринска» отмечалось, что торговцы промышляют рыбу «своими неводами и для покупки нарочно на судах из сего города ежегодно через Тобольск ходят на Обь – реку и до городов Берёзова, Сургута с июня

Ф.12. On.1. Т.3. Д.2990, 3196, 3206, 3246, 3273, 3450, 3468, 3572, 3625, 3667].

Эволюция же внутригородской торговли Туринска в целом протекала по схеме, аналогичной с Верхотурьем. Так, к началу 60-х гг. в гостиничном дворе находилось всего 22 лавки (из них 4 каменных) [Ильин 1864а, 122; Ильин 1864б, 404]. Минимальные торговые обороны были губительны для торговцев. Уже в начале XIX в. сошла со сцены династия купцов Коноваловых [Раб. класс 1982, 51]. Разорения предпринимателей меньшего масштаба продолжались и в дальнейшем. Например, в 1865 г. оказались несостоятельны туринские мещане Федор и Степанида Корякины, поддерживающие связи с купечеством городов Екатеринбурга, Курска, Юрьева и Владимира [ТГВ 1865, 292].

Как и Верхотурье, Туринск был вынужден наладить коммерчески выгодное обслуживание духовных запросов иногородних. Приезжие имели здесь широкие возможности для отправления религиозных обрядов. Так, в середине XIX в. Верхотурье располагало 5 церквями и мужским монастырем, Туринск же – 5 церквями, 1 каменной часовней и женским монастырем (рис. 13). [Ильин 1864а, 121]. Постепенно сферы влияния были разделены. В 1822 г. Туринский Николаевский мужской монастырь из-за запустения был преобразован в женский. Здесь с 1847 г. существовала школа для девочек. До 1852 г. в ней обучалось в общей сложности до 389 дочерей купцов, мещан и чиновников. Для того времени это очень значительное число [Абрамов 1865; 289; Завалишин 1862; 227]. Известно, что А.Ф. Бригген подумывал об отправке своих внебрачных дочерей в Туринский монастырь [Тальская 1986, 57; Бригген 1986, 343].

Рис. 13. Г. Туринск:
фотография начала XX в.

Интерес к внегородской торговле проявляли и жители Ирбита. Осенью 1822 г. в городе Троицке было возбуждено уголовное дело о незаконной продаже чая ирбитским мещанином Д.И. Шальковым. Он торговал вместе с пятнадцатилетним братом Егором [ГАЧО Ф.15. On.1. Д.1952]. 16 декабря 1828 г. в Троицке был задержан ещё один ирбитский Шальков Иван Васильевич, купец 3-й гильдии, 67-ми лет, не представивший ярлык, положенный по уставу о питейном сборе, о продаже хлебного бальзама (240 «куфшинов», общим объемом около 815 ведер). Кроме бальзама, у купца находилось 66 фунтов юфтевых кож [ГАЧО Ф.15. On.1. Д.2467]. Сообщение подтверждается данными Н.С. Попова об изготовлении и отправлении из Ирбита в Троицкую крепость выделанных кож на сумму до двух тысяч рублей в начале XIX в. [Попов 1813, 295].

Однако, не имея достаточной сырьевой базы для переработки продуктов сельского хозяйства, Ирбит, как и остальные северные города Зауралья, был так же вынужден ограничиться местной торговлей. По описанию М. Баккаревича, в Ирбите «торговля и промыслы здешних обывателей состоят в разных мелочных товарах» [Баккаревич 1810, 233]. Такое положение и далее оставалось без изменений. «Хлебная торговля в г. Ирбите, – сообщалось в 1863 г., – производится только местными купцами и мещанами, в одно зимнее время и простирается не более 300 пуд в год» [ИЯЛ 1863]. Сведения показательны, хотя и требуют критической проверки.

Крестьяне близлежащих местностей, имея лошадей для дальних перевозок, могли обходиться без посредничества ирбитских торговцев. Поэтому жители города ограничивались в большинстве случаев мелкими операциями, нанимались субподрядчиками, приказчиками и торговыми агентами. Например, в 1803 г. ирбитский мещанин Дмитрий Елизаров находился под началом поверенного питейных сборов Медведева И.О. «при продаже питей в белослудском казённом питейном доме», о чём и было сообщено в Думу [ГАСО Ф. 644. On.1.

Д.1952, 9]. Следовательно, даже у благополучного ярмарочного Ирбита собственная внегородская торговля также была незначительной.

Иное дело – Ирбитская ярмарка. История её возникновения и дальнейшей эволюции отражена во многих трудах. Нельзя, однако, согласиться с мнением, что история города перестала быть «загадкой» и вписана с марксистских позиций в общий ход исторического развития России XVII в. [Вилков, Резун 1981, 33]. «Роковая случайность» ярмарки, «загадка» Ирбита – появление этих метафор в научном обороте было закономерным [Хитров 1872, 51-52]. Загадка Ирбита заключается отнюдь не в месте зарождения ярмарки – здесь вероятен и элемент случайности, «рок», а в том, почему ярмарка продолжала развиваться на прежнем месте после смещения к югу торговых путей.

Торговые интересы купечества других городов и европейский рационализм верхушки чиновничества не раз ставили жителей Ирбита перед угрозой закрытия ярмарки. Инициаторами переноса ярмарки в восточном и западном направлении в разное время выступали такие крупные администраторы, как В.Н. Татищев, В.И. Генин, М.Н. Сперанский, К.Я. Тюфяев, М.В. Лодыженский, И.И. Огарев, П.Д. Горчаков [Сутырин 1975, 21-26]. Вряд ли подобная живучесть объясняется исключительно пограничным положением города или умением его жителей балансировать между различными группировками купечества и фискальными интересами казны.

Разумеется, для Ирбита было очень существенно отношение к нему феодального государства. Так, благодарная Екатерина II после событий Крестьянской войны предоставила ему максимально благоприятные условия. Даже пожар 1790 г., уничтоживший почти весь город, не заставил её отказаться от поддержки развития Ирбита. Очередная попытка конкурентов, теперь екатеринбуржцев, перевести ярмарку к себе окончилась неудачей [Россия 1914, 433]. Архивные данные свидетельствуют о том, что аналогичную попытку предпринял и Шадринск [ГАШ Ф. 474.

On. I Д.2, 5]. Причина роста ярмарки не может быть сведена к одному или нескольким разрозненным ключевым факторам.

Необходим системный анализ с первоочередным рассмотрением природных и экономических условий. Пограничное положение города определялось не столько игрой на различиях «запад – восток» (в наиболее выгодном месте был Камышлов, лежащий на прямой: Екатеринбург – Тюмень), сколько дополнительным противоречием «север – юг». Ирбит использовал оба эти преимущества. Севернее его основной жизни населения были присваивающие отрасли хозяйства южнее – производящие. Поэтому для ярмарки был характерен и местный региональный обмен. Даже в 1848 г., когда из-за золотодобычи товарооборот Европейской России с Сибирью значительно возрос, «привоз на ярмарку местных произведений, почти вполне остающихся в губернии», все же составил седьмую часть всего привоза [Вердеревский 1849, 5]. Город находился приблизительно на одной широте с крупнейшими горными заводами Урала: Нижнетагильским и Невьянским. При отправке железа и меди в юго-восточном направлении он занимал промежуточное положение на пути к Тюмени. Для северных заводов линия Екатеринбург–Камышлов лежала в стороне от перевозок их продукции в Сибирь. Возможность использования рек Нейвы и Ницы, текущих к Ирбиту, усиливала позиции ярмарки. В основном же товар перемещался зимним гужевым транспортом. Только из Невьянска в середине XIX в. к Ирбиту отправлялось 1000 возов с различными кустарными изделиями [Макшеев 1852, 132].

Немаловажное отличие Ирбитской ярмарки – преобладание предметов роскоши. Для товаров, не имеющих отношения к повседневным нуждам, удаленность ярмарки не играла существенной роли. Теория предельной полезности утверждает, что спрос на вещи высокой стоимости мало подвержен влиянию ценообразования. «Текущие цены на такие товары, как редкие вина, драгоценности (...) столь высоки, что спрос на них практически

предъявляется только богатыми, причем во многом он вызван соображениями общественного престижа. Такого рода спрос почти не поддается насыщению и мало эластичен по отношению к цене» [Фальцман 1993, 112].

Сохранившиеся сведения подтверждают, что престижные товары и престижное потребление составляли отличительную черту Ирбитской ярмарки [Вердеревский 1857, 4-12]. Значимую долю среди них составляли меха. По приблизительным данным последней трети XIX в., ярмарка только в Петербург поставляла мехового товара до 500 000 руб. На ещё большую сумму мехов поставлялось за границу [Бахтиаров 1888, 65, 78]. В обратном направлении, в Сибирь, также направлялись предметы роскоши. Рост потребительского спроса, товарный голод и эстетическая неразборчивость жителей окраин способствовали наплыву в Ирбит дорогих, но не всегда качественных изделий. Данная специализация проявилась и в сокращении продаж азиатских тканей (они вытеснялись русской «мануфактурой»), а с середины XIX в. – жирного товара. Большая его часть стала продаваться на ярмарках Ишима и Шадринска. В жирном товаре Ирбит, видимо, ограничивался обслуживанием близлежащей округи [Шпагинов 1990, 38]. С конца 50-х гг. здесь началось сокращение операций по реализации пушнины – сказывались последствия истребления «животного мира» [Ядринцев 2000, 335].

Таким образом, город выполнял несколько функций. Он связывал Европейскую Россию и Урал с Сибирью, северные малоплодородные области (вплоть до Европейского Приуралья) с южными (вплоть до казахских степей). Он, мобилизуя избытки местной товарной продукции, являлся узловым пунктом сбора. Переплавлять их далее, на более крупный оптовый пункт, необходимости уже не было. Ирбит совмещал в себе три типа ярмарок: узловой сборный, оптовый и узловой распределительный, чем пользовались близлежащие местности Урала, Зауралья и Западной Сибири.

Рис. 14. Торгово-Площадная улица Ирбита:
фотография рубежа XIX-XIX вв.

Ещё одна особенность, сближающая Ирбит с Верхотурьем и Туринском, оставалась мало осознаваемой. Город, что было замечено, не имел полноценных возможностей для развития оптовой торговли в обменных операциях Европейской России с Сибирью – он лежал в стороне от торговых путей и от центров хозяйственной жизни. Но от внимания наблюдателей ускользнуло то, что рост оборотов здесь был условным. За шумным ярмарочным оживлением скрывалось отсутствие множества товаров, причём именно тех, что были выставлены для всеобщего обозрения (рис. 14).

Поясним данное положение материалами источников. Пермский губернатор в статье о ярмарке замечал, что самая большая часть товаров, как Кяхтинских, так Российских и иностранных, в Ирбите не завозится [Тюфяев 1829, 430-431]. «Ярмарочные обороты увеличиваются с каждым годом, – вторил ему Мозель, – хотя оптовые торговцы, пользующиеся общим доверием, самую значительную часть товаров своих не привозят в Ирбит, по недостаточности помещения и дальнему

расстоянию от новых сибирских трактов. Впрочем, сюда доставляются почти все главные товары как русские, так и иностранные» [Мозель 1864б, 700–701]. И губернаторы, и Х. Мозель заметили, что Ирбит в оптовой торговле довольствовался наличием не всей массы товаров, а в основном образцов, играя роль выставки-продажи или биржи.

Следовательно, Ирбитская ярмарка имела преимущество и вне рамок экономико-географического положения. Она обладала иной – информационной – ценностью (рис. 15), служила индикатором рыночного спроса, помогала налаживать межличностные отношения в региональной торговле. Данные качества в последующем распространились и на другие территории. Так, например, для торговли на рубеже XIX и XX вв. было характерно сокращение оборотов крупных ярмарок, возрастание числа мелких ярмарок и эволюция оптовых ярмарок «в выставки, а затем в товарные биржи» [Еланцева 2000, 120]. Это вело к противоречивости перспектив Ирбита. Город, играя на опережение, ранее других приобрел новые качества. Однако эта его монополия была временной. Она «работала» лишь в условиях неразвитости рынка и дефицита торговой информации.

Купцы не забывали изречение «базар цену строит» и приезжали сюда, чтобы извлечь очевидные выгоды. На ярмарке препятствия для торговой деятельности были сведены до минимума – население города не участвовало в крупной торговле, оно тяготело к обслуживанию. По данным С.С. Пенна, «местные жители городов Ирбита среди чрезвычайно разнообразной и деятельной жизни приезжих промышленников и торговцев отличаются полным безучастием в оборотах, совершающихся у них перед глазами в их собственных домах и лавках, и довольствуются для прожитка на целый год одною выручкою за наём у

Рис. 15. «Ирбитская ярмарка. Справочная книжка за 1897 г.»

них помещений» [Пенн 1862, 88]. Эти сведения нуждаются в уточнении. Во время ярмарки торговля горожан не исчезала, но отходила на второй план. Их участие в ярмарке в основном сводилось к предоставлению услуг: сдаче жилья и аренде торговых мест.

С конца XVIII в. в Ирбите и Верхотурье существовали герберги (с немецкого: постоянный двор, гостиница; заведение для продажи спиртных напитков) под номером 2 (арендная плата за 60 руб.). Нумерация зависела от ассортимента и качества напитков. В гербергах третьего и четвёртого номеров запрещалась продажа водки. В 1799 г. герберги за номером 3 были уничтожены, «чтоб не делали откупщикам в заведениях их подрыва» [ГАСО Ф.644. On.1. Д.26. Т.2, 206]. В 1798 г. ирбитский купец Пётр Пятков взял «трактир № 2 с сего года впредь на 4 года, то есть до 1802». Арендатор намеревался продавать водки, виноградные вина, «аглитское пиво, полпиво лежкое», а также «чай, кофей, щеколат, курительный табак». В 1803 г. аренда была продлена, но акциз после смерти отца платил уже Иван Пятков. Кроме ирбитцев, алкоголь продавали и иногородние торговцы. Так, некоторые заведения были у сарапульского купца Лариона Котлова [ГАСО Ф.644. On.1. Д.19, 24-30; Д.36, 11, 12, 41]. Жители Ирбита также брали в аренду лавки и балаганы, городские весы, участвовали в подрядах по продаже соли [ГАСО Ф.644. On.1. Д.69, 24].

Характерный пример: в 1802 г. мещанин Алексей Кандыбаев принял долги умершего отца в сумме 5000 руб. и обязался вносить ежегодно во время ярмарки по 500 руб. [ГАСО Ф.644. On.1. Д.34, 74]. Торговый оборот Ирбита (без ярмарки) достигал в 1803 г. 48 тыс. руб. [Иофа 1951, 268]. На коммерческой почве между горожанами нередко возникали конфликты. В 1803 г. разбирался спор между местным купцом В.Е. Овсянниковым и ирбитским обществом, которое почему-то не выдало купцу билеты при откупе у двух балаганов по 45 руб. В итоге один из балаганов был сдан московскому купцу Дмитрию Кондратьеву, а второй, видимо, остался порожним. Овсянникова, отказавшегося платить за второй балаган, городничий Булгаков

арестовал и держал его до выплаты 45 руб. [ГАСО Ф.644. On.1. Д.34, 142-146, 166].

Гигантские размеры ярмарки не позволяли горожанам монополизировать сферу обслуживания. Здесь действовали и пришлые предприниматели. Так, жительницы Староневьянского завода Татьяна Туриня и Акулина Третьякова, «со товарищи», полностью взяли в 1803 г. в свои руки торговлю пельменями. Они откупили за 55 руб. 11 мест для постройки пельмennых балаганов [ГАСО Ф.644. On.1. Д.34, 8, 21]. В 1813-1815 гг. в городе действовали 3 герберга и среди арендаторов оказались ирбитский мещанин Шварев, макарьевский мещанин Камандрин и ирбитский мещанин Кузнецов [ГАСО Ф.644. On.1. Д.68, 71; Д.68, 40, 190]. При продаже алкоголя заведения конкурировали между собой. В 1809 г. содержатель герберга № 1 жаловался, что с открытием «сего года ярмонки, приехав, квартирующий у мещанина Алексея Кандыбаева Тобольского гарнизонного полка унтер-офицер Алексей Возницын открыл клуб – маскарад, а потом театр». Предприимчивый служивый пустил в ход «буфет с разными напитками» [ГАСО Ф.644. On.1. Д.58, 72]. Видимо, это было одно из балаганных заведений, характерных для любой крупной ярмарки.

Так, присутствуя на ярмарке 1826 г., К.Ф. Ледебур сообщал: «Донеслись звуки барабана; это извещали о представлении театра кукол, и незначительная входная плата – 10 коп. – привлекала множество народа. Я также протолкался туда, однако сюжет и само представление вполне соответствовали заведению и цене, чего и следовало ожидать» [Ледебур 1993, 22]. Вопрос о строительстве здания театра с серьёзными представлениями поднимался ещё в начале XIX в., но его деятельность здесь начались только в 40-е гг. [Мамин-Сибиряк 1889, 40-41].

Ярмарка, отображая экономические потребности общества, одновременно удовлетворяла и индивидуально-психологические запросы участников. Ирбитская ярмарка, замечал современник, «составляет нечто вроде минеральных вод» [ИЯЛ 1893, 19]. Претензии на элитар-

Рис. 16. К.Е. Маковский «Народное гуляние во время Масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге». 1869 г. Репродукция.

ность совмещались с народными традициями: масленичными блинами (рис. 16), катанием на лошадях – «здесь бывает неимоверное множество извозчиков из разных деревень, и возят они за цену неимоверно дешевую». Привлекала ярмарка и женщин легкого поведения. Итогом «общения» бывало, что Ирбит, по язвительному замечанию В.О. Португалова, наделял «своих жрецов такими знаками отличия, которые не остаются бесследными даже на ближайшем потомстве» [Португалов 1893, 14-15].

Дух ярмарки сказывался во всём. Даже дома жителей, особенно после пожара 1790 г., были приспособлены к её условиям. Н.С. Попов сообщал, что они «вместо обыкновенных сеней разделяются на две половины коридором, через всю длину состоящим из капитальных стен, по обе его стороны устроены комнаты, составляемые также из капитальных стен и перегородок, так что каждая комната имеет особые в коридоре двери, дабы нанимающие оные во время ярмарки купцы для своего постою имели всю возможную удобность расположения (...)» [Попов 1813, 295]. Хотя близлежащие деревни и сбивали цены,

но плата за жильё была очень высокой. Только в 1860 г. доходы жителей Ирбита от сдачи домов во время ярмарки составили 50 000 руб. [Мозель 1864б, 397].

Кроме частных доходов, были общественные. После пожара 1790 г. горожане построили деревянный гостиный двор. По указу Екатерины II он принадлежал городскому обществу с правом получения доходов. Торопясь закончить гостиный двор, жители строили лавки частным образом и получали с них прибыль. Это запутало имущественные отношения. По архивным данным, строительство лавок и балаганов продолжалось и после 1790-1791 гг., всего к 1797 г. их было около 470. Видимо, построивший «своим коштом» балаган распоряжался им, но затем «торговая точка» отходила в ведение городского общества и могла быть перенесена на другое место. К началу XIX в. здесь имелось также 4 каменные и 15 деревянных питеен. Примечательный факт: не считая 2 каменных церквей и 4 питеен, в городе находилось только 1 каменное здание [ГАСО Ф.644.Оп.1.Д.16, 24, 41].

В 1801 г. по настоянию генерал-губернатора Модераха городское общество решило строить каменный гостиный двор. Эта собственность не делилась «на каждого порознь ни по каким заслугам и преимуществам платимых в казну податей, и не давать никому наименования быть лавкам хозяином, и оными яко собственными своими распоряжаться и укреплять потомственно» [Хитров 1872, 54-55]. Уточнение содержит отголосок конфликтов, связанных со старым гостиным двором. Строительство началось в 1802 г. и проходило с большими трудностями. Губернатор Модерах регулярно требовал отчета о ходе работ, израсходованных средствах. К 1803 г. было построено 6 торговых мест и, они сразу же были сданы в аренду местным жителям [ГАСО Ф.644.Оп.1.Д.34, 138, 161].

С 1806 по 1809 гг. городское общество разбирало исковое дело екатеринбургского купца Толстикова. Городской голова Стариков, бургомистр Пушкарёв, гласные Устинов и Кошков, «без согласия прочих на то членов магistrата и думы» заключили с ним контракт

на покрытие лавок гостиного двора железом. Но общество предпочло договориться с «проверенным тайного советника Николая Никитича Демидова Белохоловым», и Толстиков предъявил иск. Пермское губернское правление встало на сторону купца и обязало выплатить ему 17 645 руб. 90 коп. [ГАСО Ф.644.Оп.1.Д.58, 259-263; Д.69, 72].

По плану гостиный двор состоял из 204 внутренних и 34 наружных лавок. Они были выстроены в Московский, Устюжский, Ивановский, Вятский, Екатеринбургский, Тобольский, Курский, Заволжский и другие ряды [ГАСО Ф.644.Оп.1.Д.48, 227-226]. В ходе строительства его размеры, видимо, были уменьшены. В 1829 г. в четырёхугольном дворе находилось 8 корпусов и 126 лавок. Кроме них, было 150-155 балаганов и двухэтажный каменный корпус для продажи вина [*Тюфяев 1829, 431-432*]. В Ирбите также располагались хмелевые и рыбные ряды, табачные места, пельменные балаганы, весы и множество иных мест для торговли [ГАСО Ф.644.Оп.1.Д.44, 83].

Заметим, что данные Х. Мозеля не совсем точны. Он не учёл строительство временного деревянного гостиного двора и ошибочно считал датой постройки каменного 1804 г. Но его сообщение о возведении 2-го этажа во дворе подтверждается статистически. В 1842 г. числилось 216 лавок [*Стат. таблицы 1842 26-27*], в 1850 г. – до 480 [*Макшеев 1852, 165*]. В 1860 г. каменных общественных лавок было 594, частных: каменных – 3, деревянных – 4 [*Мозель 1864б, 388, 398, 700*]. Итак, в городе успешно шло создание материальной инфраструктуры по обслуживанию ярмарки.

Запутан вопрос об оборотах самой ярмарки. В работах фигурируют похожие цифры привоза и продаж. Не имея возможности для их анализа, по замечанию А. Хитрова, «сведения нельзя считать даже условно правильными» [*Хитров 1872, 73-74*], с чем согласны и другие исследователи, допустимо выделить основные периоды в эволюции ярмарки. На основе статистического материала это пытался сделать Г.В. Яровой. Он допускал, что блестящий

период развития ярмарки начался лишь с конца 30-х гг., оспаривая мнение Н. Эйгера [Яровой 1975]. Последний считал, что рост оборотов был связан с появлением золотопромышленности в Сибири и происходил он уже с начала 30-х гг. XIX в. По-нашему мнению, доводы Эйгера не противоречат историческим реалиям, выкладки же Г.В. Ярового оказываются уязвимыми. Ирбит не переживал спада после «золотой лихорадки». Ценность построений Г.В. Ярового снижается расхождениями с данными К.Я. Тюфяева. Так, сбыт 1824 г. у Ярового составляет 4600 тыс. руб., у Тюфяева – 4631 тыс. руб. У Тюфяева 3534 тыс. руб. – это привоз 1803 г. – у Ярового этот показатель перемещается на 1809 г. Периоды развития ярмарки у Г.В. Ярового чрезвычайно большие – по 15 лет. Отсутствие данных до 1824 г. (исключая 1809 или 1803 г.) и отрезка с 1830 по 1838 гг. включительно, во многом сводит на нет значение его подсчётов [Тюфяев 1829]. Иная попытка объяснения эволюции ярмарки следует из нижеприведённых результатов (табл. 3):

Таблица 3
Обороты Ирбитской ярмарки с 1814 по 1859 гг.

Год	Привоз		Сбыт		% реализации
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	
1814	5016	100	3872	100	77,1
1819	12 687	252,9	9607	248,1	75,7
1824	7179	143,1	4631	119,6	64,5
1829	10 888	217	7537	194,6	69,2
1834	26 708	532,4			
1839	11 951		7672		64,1
	41 829	833,9	26 852	693,4	
1844	17 024		12 625		74,1
	59 584	1187,8	44 188	1141,2	
1849	32 534		25 702		79,0
	113 869	2270,1	89 957	2323,2	
1854	37 997		29 165		76,7
	132 990	2651,3	102 078	2636,3	
1859	44 789		42 638		95,1
	156 762	3125,2	149 233	3854,1	

Данные округлены до тысяч. С 1839 г. сведения даны в руб. сер.; нижние строчки – пересчет на асс. по курсу 1:3,5 (см.: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.), Л.: Наука, 1985. – С.37; Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII-начале XIX в. – М., 1987. – С. 27-29). Подсчитано по: РГИА Ф. 18. Оп. 4. Д. 90. Л. 1; ГАПО Ф. 65. Оп. 4. Д. 86. Л. 106; Торговля на Ирбитской ярмарке в 1834 г. // Журнал МВД. – 1835. – Ч.15. – 0тд. XIX. – Смесь. – С. 176; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. – В 2-х ч. СПб. СПб: Тип. Ф. Персона, 1864. – Ч. II. – С. 390-391.

Статистика свидетельствует: в первой четверти XIX в. обороты ярмарки быстро увеличивались. Согласно Тюфяеву, привоз возрос с 3 532 092 руб. в 1803 г. до 8 095 887 руб. в 1825 г., – почти в 2,3 раза [Тюфяев 1829, 439]. С скачок её оборотов начался с конца 20-х гг., достигнув максимума в 30-е гг. XIX в. С 1826 по 1838 г. привоз увеличился с 7 719 887 руб. до 41 829 045 руб. или в 5,4 раза. В последующие 20 лет (с 1839 по 1859 гг.) рост уменьшился: с 11 951 155 руб. сер. до 4 477 9100 руб. сер. или в 3,7 раза [Об Ирбит. ярмарке 1839, 56-57]. Г.В. Яровой не заметил, что с 1839 г. данные приводились по курсу серебряного рубля. По его выкладкам 1829 г. (привоз: 10 888 тыс. руб. асс.), почти не отличался от 1839 г. (привоз: 11 951 тыс. руб. сер.), что ошибочно. Также имеется опубликованный и мало используемый материал о росте оборотов ярмарки в 30-е гг. В 1832 г. привоз составил 14 378 182 руб. В 1833 г. – 21 374 798 (или 21 384 859) руб. [Справн. ведомость 1833, 276-277]. В 1834 г. – 26 708 035 руб. [Торговля 1835, 176]. В 1835 г. – 27 830 062 руб. В 1836 г. – 34 800 650 руб. асс. [Об Ирбит. ярмарке 1839, 73].

Перевод на серебро привёл к тому, что последующие исследователи анализировали обороты ярмарки начиная с 1839 г. В 1907 г. были опубликованы данные о привозе и сбыте товаров на ярмарку, о чём свидетельствуют нижеприведенные данные (табл. 4):

Таблица 4

Обороты Ирбитской ярмарки с 1839 по 1903 гг.

Годы	Привоз (тыс. руб.)	Сбыт (тыс. руб.)	Годы	Привоз (тыс. руб.)	Сбыт (тыс. руб.)
1839	11 951	7672	1871	40 728	37 546
1840	12 332	7682	1782	40 256	42 582
1841	12 800	9472	1873	46 939	43 855
1842	14 045	7888	1874	45 921	42 223
1843	14 483	10 303	1875	48 146	43 275
1844	17 024	12 626	1876	49 029	45 987
1845	20 222	17 426	1877	49 824	46 213
1846	26 935	22 247	1878	50 376	48 890
1847	28 091	23 642	1879	50 725	49 585
1848	31 151	26 903	1880	57 058	53 672
1849	32 534	25 702	1881	68 784	65 159
1850	35 893	25 331	1882	70 046	66 208
1851	35 531	28 741	1883	69 807	62 575
1852	30 855	25 363	1884	67 484	62 240
1853	36 955	29 363	1885	68 958	65 693
1854	37 297	29 165	1886	59 827	51 505
1855	23 344	17 601	1887	56 272	50 460
1856	20 678	18 541	1888	57 709	55 426
1857	17 969	17 142	1889	49 753	44 590
1858	41 764	38 847	1890	46 090	42 522
1859	44 789	42 628	1891	45 896	39 303
1860	46 908	45 628	1892	34 586	25 473
1860	47 620	42 370	1893	48 410	41 084
1862	48 500	39 260	1894	49 187	41 264
1863	51 200	48 700	1895	48 364	42 823
1864	46 420	42 350	1896	47 497	41 095
1865	39 711	36 200	1897	41 163	33 093
1866	36 311	33 383	1898	38 348	33 326
1867	38 622	35 537	1899	39 236	34 580
1868	36 400	34 350	1900	38 560	34 080
1869	39 184	37 524	1901	34 500	31 500
1870	40 067	38 307	1902	31 128	27 404
			1903	32 370	29 502

Подсчитано по: И. – евъ П. Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке // Сибирские вопросы. – 1907. – №1. – С. 61.

Нельзя не согласиться с выводами статьи «Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке» относительно причин снижений её оборотов. Так закономерно объяснено понижение 1855-1857 гг. Крымской войной. Следующее понижение 1863-1868 гг. было связано с отвлечением капиталов после освобождения крестьян и военным продвижением России в Среднюю Азию, когда приостановился привоз товаров. Уральская железная горная дорога, открытая в 1879 г., не оказала заметного влияния на ярмарку, кроме того, что «приблизила товары из Европейской России». Более того, она содействовала некоторому росту. Однако после проведения в 1886 г. железной дороги Екатеринбург – Тюмень товары пошли в обход ярмарки, и началось падение оборотов. Ещё более сократили обороты ярмарки Великая Сибирская железная дорога и соединение её через Екатеринбург с линией Пермь – Котлас. Голодные 1891-1892 гг. «также сильно отразились на оборотах» [И. – евъ 1907, 61-64]. Можно дополнить выводы автора статьи: содействовали сокращению оборотов и неурожай 1868, 1883-1884, 1889-1890 и 1901 гг.

Основная причина начавшегося угасания Ирбита заключается, впрочем, не в стечении случайных негативных обстоятельств. С развитием промышленности и появлением новой транспортной инфраструктуры ярмарочная торговля с неизбежностью заменялась стационарной. Следствием этой замены стало постепенное распыление культурного потенциала жителей Ирбита на территории, достаточно далекие от родного города. В заключение раздела можно привести один, но символический пример: на Обском севере Тобольской губернии в 1873 г. усердием ирбитского купца Зырянова была обновлена церковь в с. Чемаши, где жертвователь и был похоронен [*Сургут. уезд 2006, 323*]. Северные зауральские города, вынужденно смещаюсь на периферию рыночных отношений, теперь довольствовались обслуживанием ещё уцелевших ярмарок, удовлетворением нужд коренных малочисленных народов Севера и культовых запросов религиозных паломников.

2.2. Восприятие Ирбитской ярмарки её участниками

Ирбитская ярмарка, с её оборотами в десятки миллионов рублей, была одной из крупнейших в дореволюционной России. В сфере экономики она выступала как ведущий компонент общероссийского рынка по обмену товаров между Европейским и Азиатским территориальными массивами. Изучение Ирбитской ярмарки и специфики её культуры способно содействовать углубленному пониманию скрытых торговых механизмов. Дело в том, что долгое время рынок и его институты рассматривались исследователями узко рационально. Впоследствии в среде научного сообщества начался пересмотр данной излишне схематичной позиции. Постепенно зародилось и оформилось новое междисциплинарное направление, учитывающее культурную специфику участников торгового обмена – экономическая антропология. Так, например, в 1989 г. американский антрополог Митчелл Абофалия написал книгу «Рынки как культуры». На основании этнографических исследований Уолл-стрита он показал, что здесь не только осуществляются продажи, но и формируются внешне неявные правила и роли, идентичности и статусные иерархии [Абалафия 2003, 63-72].

Рис. 17. Газета «Ирбитский ярмарочный листок» 1891 г.

Предварительное исследование Ирбитской ярмарки способно выявить особенности её восприятия участниками

торговли, а также их поведение и менталитет, имеющие генетические связи с традиционной культурой. Недостаток архивных исторических источников по изучаемой проблеме определил вынужденное обращение к путевым очеркам, мемуарным и газетным текстам (рис. 17). Прежде чем анализировать собственно Ирбит, необходимо кратко остановиться на образе ярмарки в традиционной культуре русского и отчасти аборигенного населения Сибири.

Нет сомнения, что здесь отложились особенности менталитета, существовавшие издавна, ещё до формирования общества с жёсткой сословной иерархией. Последующие наслаждения официальной культуры скрыли древнюю основу, но уничтожить её не смогли; она периодически прорывалась «наверх». Явными такие «прорывы» становились на местах, где культурная традиция смыкалась с экономической необходимостью – на ярмарках и торжках.

Занимаясь обменом материальных благ, эти пункты временной торговли были одновременно своеобразными проявлениями латентных культурных стереотипов. На их территории торговое действие существовало обособленно от обыденной жизни. Связано это было с оценкой торговли как исключительного занятия. Такая оценка возникла во время господства натурального хозяйства и коренилась в особенностях мировосприятия патриархального крестьянства. При этом значительная часть купечества и мещанства, относясь к выходцам из крестьянской среды, во многом сохраняла прежние культурные устои.

Сельскохозяйственный календарь, сложившийся в течение веков, требовал упорного повседневного труда, но в промежутках между различными циклами работ появлялись возможности «выключения» из обыденной жизни и хозяйственной деятельности, дни отдыха, праздников. Все они имели сакральное значение (язычество и его последующий синтез с христианством) и обставлялись соответствующими ритуалами, допускавшими отказ от этнических норм, соблюдавшихся в иной обстановке. Народное утверждение

гласило: «Мы целый год трудимся для праздника» [Бернштам 1985, 140–145].

Ярмарка была не единственным местом, где существовала освященная традицией возможность выхода за пределы обыденного. Такой же функцией был наделён и кабак (рис. 18). Крестьянское общественное мнение считало в ряде случаев допустимой драку на базаре или в кабаке [Громыко 1991, 94]. Подобная же ситуация, видимо, была при остановках в городах больших торговых обозов. «Сельская полиция маленьких городков была в руках обозных, – свидетельствовал Н.В. Шелгунов, – приезд их для полиции бывал праздником: всех напоят, все пьяны» [Шелгунов 1871, 357–358]. Заметим, что в данном случае речь идёт не о подчиненности, а об отношениях партнёрства: хозяева мест терпели выходки приезжих не в силу своей робости, а исходя из выгод и неписаных обычаяев. При торговых отношениях традиционная культура вынужденно шла в услужение к экономическому интересу.

Рис. 18. Ренский погреб купца Мухлынина: экспозиция Верхотурского краеведческого музея

в зависимости от ярмарочных успехов. Оценка Ирбита современниками была категоричной: «Это человек, ожидающий одиннадцать месяцев

своего единственного годового дохода, это актёр, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса» [ИЯЛ 1893, 7].

Периодичная ярмарочная торговля или торговля от случая к случаю не требовали наличия многочисленного населения и развитой материальной инфраструктуры. Поэтому анализируемые города визуально незначительно отличались от деревень. Их территория и жители были всего-навсего функциональными дополнениями к торговым операциям. Неразвитость собственно городской экономики порождала господство над ней внешней, региональной торговли и её основных агентов. По отношению к ним города оказывались на второстепенном положении. Не случайно, что торговые и промышленные воротилы фактически превратили города в свои вотчины. Предпринимательская деятельность не была бесплодной. Со временем и у северных Зауральских городов появились возможности для роста экономики и уменьшения зависимости от региональной торговли.

Однако произошедшая трансформация ставила под угрозу их прежние социокультурные основания. Ранее эпизодические рыночные связи задавали господство случайностей при извлечении прибыли. Эти случайности были настолько самодостаточны, что нередко определяли результативность поступков людей вне зависимости от их воли. Ещё Адам Смит замечал о предпринимателе, стремящемся к получению максимальной прибыли: «он преследует лишь свою собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества» [Смит 2009, 443]. Интересно, что в XX в. Альфред Чандлер, теоретик менеджмен-

та, объяснил возникновение фирм стремлением предпринимателей вырваться из под «невидимой руки рынка».

Многократно упоминаемая экономистами «невидимая рука» рынка в психологическом плане, напротив, требовала воплощения в видимом материальном носителе. В сознании людей рыночная непредсказуемость переносилась на места торговли. Соответственно, города символизировали непознаваемость и даже неадекватность рынка. Эти качества во многом определяли повседневное поведение горожан, и пришлых. Ведь в городе человек погружался в искусственную среду. Он отчуждался от природного пространства с его привычным для путешественников «естественным» разбоям на дорогах [Шипилов 2008, 121-124]. На периферии нападения продолжались до середины XIX в. [Родин 1975, 102].

В городе разбой сменялся иными угрозами. Воронежский крестьянин И.Я. Столяров вспоминал, что, когда «мужику приходилось ездить в город, всякий представитель власти, городовой или околоточный, бил его за то, что он поехал по улице, по которой ему запрещалось ездить, или недостаточно быстро свернул в сторону для свободного проезда экипажа какого-нибудь начальника. Надо быть мужиком, чтобы познать худшие притеснения. Вот почему мужик города не любил. Он боялся его, и если ездил туда, то не ради удовольствия, а чтобы продать свой урожай или купить самое необходимое для домашних нужд, того, чего не было у сельского купца» [Столяров 1990, 390].

Угрозы были не всегда явными и хорошо осознаваемыми. Мошенничество или отсутствие спроса, игра цен, высокие издержки и риски вели к постоянному дискомфорту. Это чувство соседствовало с надеждами на скорое обогащение. Поэтому город дарил надежду и лишал покоя. Его отличало символичное смешение святости и греха. И у зауральских городов под покровом официальной духовности скрывались пугающие хтонические свойства. Они запечатлены в легендах о подземных ходах. Причины появления легенд были различны. Симптоматично, что народная молва связывала подземные

ходы Верхотурья и Ирбита с монастырями или с купеческими усадьбами [Служин 2005, 31-55, 239-241]. Следовательно, в фольклорных преданиях источники богатства городов ассоциировались с тьмой и тайной.

То, что у образа города присутствуют сверхъестественные свойства, исследователи обратили внимание уже давно. Сошлемся на статью «Социально-экономический облик северной русской сказки 1926-1928 годов». В ней был зафиксирован социальный статус носителей волшебных сказок. Это мужчины, в основном грамотные, побывавшие во многих городах Европейской и Азиатской России. «Различия в отражении хозяйственных отношений у сказок о животных и сказки о змее оказались чрезвычайно крупными, – обращал внимание А.И. Никифоров. – Первые прикреплены к местному хозяйственному быту, вторые уводят текст сказки в город. Но какой город! Афишки и красный флаг – это всё, что в нём есть послереволюционного. Всё остальное указывает на небольшой дореволюционный уездный город с водовозами, кухарками, половыми т.д. Именно на такие города опиралась помещичье-дворянская Россия XVIII – начала XIX века» [Никифоров 2008, 228-238].

Причины существования данной волшебной мифологемы в принципе объяснимы. Для ярмарочных и религиозных центров было характерно преобладание торговли и сферы услуг. В традиционной культуре они не воспринимались в качестве реальной полноценной работы, а лишь как суррогатные действия. Таким образом, источник богатства города ускользал от глаз наблюдателей и смешался в латентную область. Отсюда, видимо, проистекает сдержанное отношение к торговцам не только у населения, но и у самих предпринимателей. «В московской неписаной купеческой иерархии (...) на вершине уважения стоял промышленник-фабrikант; потом шёл купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал» [Бурышкин 1991, 100].

Как отмечали современники, инициативные крестьяне «ездили в ближайший город за товаром и начинали у себя на месте снабжение

им своей деревни и её окрестностей. Таким образом, до последнего времени, не город шёл со своим товаром в деревню, а деревня шла за ним в город сама» [Бурышкин 1991, 84]. Не стоит, однако, абсолютизировать новации мигрантов. Выходцы из деревенского мира, они всё же были носителями традиционной культуры. Переинаясь в город, пришельцы привносили с собой деревенские социальные нормы. Долгое время своё новое пребывание они воспринимали как случайное и непостоянное. Поэтому для приезжих города выступали в первую очередь средствами обогащения. Они были торговыми площадками, на языке того времени – «складочными местами». Официальное место жительства предпринимателей могло меняться. «Какие мы ейские купцы? Просто гильдейское свидетельство в Ейске выправляли – дешевле было, чем в Москве, вот и всё. От этого и приписаны были к ейскому купечеству», – заметил один из родственников Ю.А. Бахрушина [Бахрушин 1994, 351].

У современников присутствовало ощущение, что извлечение городом общественного богатства происходило «само по себе», ниоткуда. Выгоды его местоположения лишь в малой степени дополнялись активностью жителей. Зависимость города от внешних обстоятельств перевоплощалась в зависимость индивида со стороны локального социума. Постепенно здесь формировался мир сложных коммуникативных связей, основанных на взаимной психологической подчиненности. Это оборачивалось эффектом своеобразного замкнутого пространства, причём пространства зависимого и не способного существовать без внешнего окружения. Исходящее якобы извне обогащение горожан могло объясняться мистическими и (или) аморальными причинами, что порождало фобии в среде горожан.

Отчасти эти подспудные страхи минимизировались и замещались ритуальными действиями. Ярмарочные приметы, молебны, пожертвования, демонстративные тряпки и загулы купцов должны были обеспечить удачу в торговле. Разумеется, со временем у этих действий

происходила трансформация и утрата скрытых смыслов. «Можно сказать, – утверждает культуролог Е.В. Дуков, – что развлечения начались с толпы зевак, собравшихся посмотреть на зрелище, которое лишено для них сакральности» [Дуков 2010, 41]. Соответственно, для патриархального человека контакты с торговцами издавна означали нечто исключительное, ситуационное праздничное поведение.

Психологическая атмосфера, существующая на таких праздниках, не являлась абсолютным отрицанием повседневности, скорее её можно оценить как пародию, гротеск. «Вот едут гигантские сани на восьми лошадях. Сани покрыты коврами, в санях толпа ликующего народа, иногда с бутылками и стаканами в руках... Все поют, кричат и громко перекликаются со знакомыми своими в окружающей их толпе», – так описывал Е. Вердеревский ярмарку в Ирбите. И далее: «Или вот ещё везут какую-то подвижную каланчу. Из саней высится мачта, с флагами и лентами, на верху сидит паяц в шутовском наряде и кривляется на диво бегущей позади пёстрой толпы...» [Вердеревский 1857, 10]. Подобные же гигантские сани с музыкантами, разъезжающие на Масленицу, отмечались современниками и в других городах. В частности, декабрист А.Е. Розен их видел в Кургане [Розен 1984, 297]. Допустимо предположить, что это удивляющее зевак непропорционально-громоздкое транспортное средство пародировало дальние поездки, было символом движения к богатству. Траты времени и устрашающие расстояния «переплавлялись» здесь в шутовские габариты, вызывали смех, ненадолго переставали беспокоить.

Празднование вовсе не означало бездеятельности или критичного самокопания. Наоборот, обычный человек, получив возможность «выдать» ранее потаённые личные свидетельства, тотчас забывал о них. Он сразу же растворял только что обретённую волю в благожелательно настроенной ярмарочной толпе и активно отдавался существованию в этом потоке. Ярмарка, изначально лишенная статичности, хотя и очерченная пространственно и временно, оказывалась не только

местом торговли, но и полем психологических взаимодействий её раскрепощённых действующих лиц. Присутствующие на празднике, обладая освящёнными обычаем негласными санкциями на выход из повседневности, всё-таки вели себя исходя из определенных схем, образов, которые могли неоднократно меняться; у их владельцев происходило «чертедование масок».

Этому во многом способствовали атмосфера праздника и унификация, нерасчленённость обязанностей его участников. Яркую картину праздника оставил А.Е. Розен: «С утра до вечера всё было в движении: почти каждый продавец был вместе и покупатель. По сторонам и по углам стояли шалаша с самоварами, со сбитнем, с пряниками и закусками, возле шалашей острили балагуры, мальчики играли на гармошке, разносчики толкались взад и вперёд с коробками и лотками. Один продавал кожаные панталоны, коих несколько пар висели у него на плечах, но, чтобы больше прельстить покупщиков, то каждый раз надевал на себя продажную пару жёлтых лоснящихся панталон, шагал в них, подпрыгивал, выхвалял их доброту и преудачно и скоро сбывал свой товар. Лавки с красным товаром были осаждены женщинами, которые выбирали для себя ситцы, платки и ленты» [Розен 1984, 292]. Его описание ярмарочного Кургана передаёт дух флеров мгновенно разыгрываемых массовых представлений и перевоплощений, где каждый зритель – участник.

По данным А.Н. Зырянова о крестьянах, живущих промыслами, земляческая солидарность и корпоративные интересы, а они часто бывали слиты, поскольку сёла специализировались на выпуске определённого товара, равно как и их верность данному слову, нисколько не препятствовали похвальному в ярмарочных условиях стремлению обобрать ближнего: «не разевай рот, здесь ведь не дома, а на ярмарке: всякий приехал нажить, а не прожить» [Зырянов 1997, 25]. Интерес к подобным даваемым уже после заключения сделки советам лежит вне материальной сферы: и обманувший, и обманутый с разных сторон испытывают жажду игровых ситуаций, смеха, имеют

потребность в том, что М.М. Бахтин ёмко назвал «весёлым временем» [Бахтин 1965, 238]. Элементы народного гуляния, при котором все находятся в схожем положении и все действуют, иногда привносились населением и в не предназначенные для этого мероприятия.

Приезжие привносили на Ирбитскую ярмарку неписаные нормы «весёлого времени», праздника, резко отличного от обыденности. Их загулы, близкие к патриархальной культуре, органично сосуществовали с трезвыми расчётами при заключении крупнейших сделок. Ярмарка, сделав Ирбит городом, одновременно изукрасила его фасады красками уходящей культуры. С 40-х гг. XIX в. на Ирбитской ярмарке гастролировала театральная труппа А.П. Соколова. И на её гастролях, и позднее подвыпившие зрители нередко вмешивались в ход представления. Инкорпорация норм и ценностей индустриального общества осуществлялась путём сложных переплетений старого и нового, местного и заимствованного. В этом плавильном котле Ирбита культурные значения отдельных компонентов со временем могли меняться с точностью дооборота. Примечательна реplика образованного предпринимателя Губкина, обращённая к известному театральному актёру В.Н. Давыдову, шокированному поведением разгульных купцов на ярмарке: «Вы не обращайте внимания на этих и не судите о купечестве по этим выродкам. Это уходящие. Таких теперь уже немного осталось!» [Давыдов 1931, 365].

Центрами кристаллизации, вокруг которых постепенно складывались ярмарочные структуры, часто оказывались церкви. «Почти все ярмарки и торжки образовались в дни приходских церковных праздников и в эти сроки утверждены впоследствии правительством. Окрестные жители обыкновенно собирались к приходскому празднику в какое-либо село или слободу, обычай этот год от году укоренялся более и более, при большом сбое народа обыкновенно производилась торговля сначала съестными припасами и лакомствами, а потом, расширяясь, мало-помалу переходила в торжок, который в свою очередь, увеличиваясь год от году,

образовывал ярмарку, иногда довольно значительную», – писал В. Ильин в середине XIX в. [Ильин 1864б, 401-402].

В конечном итоге на ярмарках и торжках складывался особый культурный мир, глубинные структуры которого были малопроницаемы для исследований посторонними наблюдателями, хотя вроде бы и внешне открытый (рис. 19). Так, например, буйные выходки купцов, их оргии, скорее всего, свидетельствовали о сохранявшихся чертах древнего крестьянского праздника, которые всё более профанировались, переводились в иную плоскость. И неудивительно, что описывая ещё одну ярмарку – Крестовскую, с «отвратительными сценами, действующими лицами которых бывают пьяные, предающиеся по случаю удачной торговли, грубым чувственным удовольствиям купцы и развратные женщины», А. Серафимов жалел об оскорблённой церковной святыне [Серафимов 1861, 348]. Однако разрушение касалось в основном не внешней христианской святости, обряды, хотя часто и формально, но проводились, а более глубокой, скрытой, языческой.

Рис. 19. И. С. Куликов «Базар с бараками» 1910 г.
Репродукция.

Уже утратившая свои атрибуты, неосознаваемая самими участниками, она постепенно распадалась под действием новых веяний, превращалась в заурядный разврат и средство наживы. Так, Ирбитская

ярмарка обычно проводилась во время Масленицы. Главный персонаж этого праздника параллельно олицетворял и плодородие, и смерть, как противоположность жизни. Не случайно, что в конце праздника Масленицу хоронили или разрывали на части [Масленица 1996, 451]. «Весьма кстати Ирбитская ярмарка часто бывает во время масляницы, как это случилось и в нынешнем году. Это делает и масляницу гораздо веселее, и ярмарку гораздо шумнее», – замечал С. Черепанов, побывавший на ярмарке в 1856 г. [Черепанов 2006, 81]. Известно, что по традиции молодожены посещали ярмарки, особенно в Масленицу [Федорова 1997, 251-256]. Их прибытие вносило радостное оживление, считалось хорошей приметой для будущего урожая. На Масленице были допустимы и желательны фривольные поступки, символически содействующие плодородию земли. Иную, изнаночную сторону масленичных гуляний в Ирбите описывает в своих записях безвестная девушка из публичного дома: «Работа! Слово-то какое… Едут пьяные, едут озорные, Мужики из деревни с оглядкой, крадучись от знакомых, купцы с шумом, форсом…» [Антропов 1992, 120].

Нечто подобное происходило и с древним ритуалом опьянения – он также утрачивал свои первоначальные черты, становился обычным средством фиксации значительных событий, примитивным способом снятия негативных эмоций, неизбежных при заключении сделок, проявлением бескультурия. «Кончилась ярмарка, и Тит Титыч, – писал В.О. Португалов, – говорят, уже «разрешил», если ярмарка была хороша – с радости, если дурна – с горя. Оборвался, промотался, обанкротился купец – значит, фортуна изменила и он «разрешает», и ничем тогда не остановить его самодурства, ничем нельзя вразумить его» [Португалов 1869, 55-56]. Его высказывания были типичны для большинства прогрессивно мыслящей интеллигенции середины XIX в. Они не противоречили истине – врач во время политической ссылки хорошо познакомился с Уралом и Зауральем – но грешили односторонностью, превосходством человека европейской культуры.

С возрастанием у ярмарки экономического веса христианские ритуалы постепенно перестали играть определяющую роль. Со временем всё свелось к формальным обрядам. Начало ярмарки в Ирбите ограничивалось молебном и поднятием флага над гостиным двором. По давней традиции все взоры устремлялись к высокой мачте. Согласно поверью, если флаг пойдёт по ветру сразу – ярмарка будет крутая, бойкая. Если запутается – торг пойдёт вялый. Развернётся на восток – сибиряков ждёт удача [Смирнов 2002, 15]. В ярмарочном действе скрытые мистические персонажи всё более вытеснялись вполне конкретными торговцами. Однако смене главных действующих лиц не могла одновременно соответствовать смена одного типа поведения другим, поскольку психические процессы обладают определённой самостоятельностью.

Участники торговли хорошо осознавали свои интересы, но на бытовом уровне их поведение по-прежнему продолжало структурироваться под воздействием прежних культурных традиций. Здесь можно заметить, что, по мнению Ю.М. Лотмана, сфера поведения делится на два типа (семиотически маркированный и нейтральный), причём последний «усваивается как родной язык не через правила и наставления, а непосредственно» [Лотман 1976, 294]. Устойчивости привычного бытового поведения содействовало существование разрыва между дворянской культурой и культурой крестьянства, а также близких к нему слоев населения. В осваиваемых регионах (Зауралье и Сибирь) позиции патриархальной культуры были особенно прочными.

Ярмарки, помимо связи с близкими к ним крестьянскими праздниками, были также близки им своим отрицанием повседневности, игровыми ситуациями, субъективными проявлениями. Рискованные торговые сделки, совершаемые одними, закупка товаров для длительного потребления другими, извлечение выгод от обслуживания третьими – всё это создавало атмосферу взвинченности, убыстрения ритма жизни. Отсутствие развитого гостиничного сервиса, неприхотливость

приезжих и нехватка жилых помещений создавали большую скученность, множество неудобств. Но фиксируемые образованными современниками плохие условия временного проживания мало замечались основной массой приезжих, несмотря на то, что торговлей занималась наиболее состоятельная часть населения. Помимо неразвитых потребностей и дефицита наличных денег, существованию сервиса мешали и психологические барьеры.

Всевозможные проблемы и даже скрытые угрозы, по представлениям людей того времени, могли быть минимизированы, если сам человек был фартовым, не боялся рисковать. Цепь удач свидетельствовала о расположении к индивиду сакрального мира. Поэтому удачи содействовали росту социальной значимости со стороны коллег-предпринимателей. Соответственно, ярмарка воспринималась как своеобразное показательное состязание. И начиналось оно ещё до приезда в Ирбит. Точнее говоря, сама поездка на ярмарку уже являлась частью испытания для её участников. В повести Н.Д. Телешова «На тройках» (1895) описан дорожный азарт крупных торговцев. «Из поездки в Ирбит купцы сделали нечто вроде спорта: есть такие, что ухитряются доехать от Москвы в пять суток, есть такие, что едут шесть дней, а некоторые едут полторы недели и больше; последние, конечно, не участвуют в спорте и едут как бог на душу положит, посмеиваясь над усилиями первых – во что бы то ни стало обогнать друг друга; зато первые мчатся на тройках, не щадя ни здоровья, ни денег, и с похвалой приезжают в Ирбит» [Телешов 1983, 35-36].

Для таких воротил-предпринимателей вызывающее поведение на ярмарке являлось лишь продолжением их прежних дорожных приключений. Здесь они демонстрировали свои финансовые возможности, способность с шиком и выдумкой тратить большие средства. В ход шли рискованная карточная игра, изощренные выходки на грани общественной морали и нарочитый разврат. Все эти действия являлись культурным дополнением к экономически оправданным

торговыми сделками. Одновременно купцы, будучи руководителями ярмарочной торговли, обладали организаторскими способностями, деловой хваткой, умением извлечь выгоду, широтой мышления, а применительно к территориям Зауралья, Сибири и Казахстана ещё и немалой долей смелости и строгостью поведения в повседневной жизни, ведь многие из них относились к старообрядцам.

Возникающая раздвоенность образов купцов тем ни менее снимается, если рассматривать ярмарку как один из элементов народной карнавальной культуры. «В купеческой среде строгой «чинности» обычного бытия противостоял не признающий преград «загул», – замечал Ю.М. Лотман. – Обязательность смены социальной маски проявлялась, в частности, в том, что если в каждодневной жизни данный член коллектива принадлежал к забитым и униженным, то, «гуляя», он должен был играть роль человека, которому «сам чёрт не брат», если же в обычном быте он наделён, в пределах данного коллектива, высоким авторитетом, то роль его в зеркальном мире праздника будет часто включать в себя игру в унижение» [Лотман 1975, 52].

Состязательности и ярмарочным искушениям противостояли иные качества, главным среди которых был мотив испытания внутренней силы человека. Окружающая праздничная ярмарочная суeta порождала немалое число соблазнов, каждый из которых для слабого человека мог стать роковым. Для участников ярмарки её почти языческая греховность служила своеобразным нравственным испытанием, которое не все могли выдержать. Этот идеал был востребован ещё и потому, что на ярмарке общепринятые смыслы меняли свои значения. Мошенник здесь выглядел приличным человеком, честный нередко оказывался в дураках. Современники воспоминали, что проститутки на Крестовской ярмарке, рекламируя бордель, с балкона «бросали конфеты, пряники, печенье, зазывали мужчин: «Идите к нам, ваши жены(женщины) грязные» [Охапкин 2014, 121]. В ярмарочной культуре трансформировались даже образы материальных объектов. С. Черепанов на Ирбитской

ярмарке обнаружил торговую надпись «Casanskoe milo. Paris». Он же иронично упомянул некое здание, в котором, по слухам, «спирт, какоюто магическою силою превращается в произведения островов Мадеры и Тенерифа, городов Хереса и Малаги, даже провинции Шампаньи и, наконец, даёт несколько ящиков лучшего неподдельного ямайского рома» [Черепанов 2006, 81-82]. По данным писателя Н. Телешова, в конце XIX в. на Ирбитской ярмарке производились «собственные» виноградные вина. Широкой известностью пользовалось «фаяльское» вино, в просторечии именуемое «русский мордоворот» [Телешов 1983, 73-74].

Уезжая по торговым делам, человек субъективно расставался не только с домом, но и со своим социальным статусом, так как границы его фактической значимости в общественных взаимоотношениях при недостаточной развитости рыночных связей в целом были узкими. Попадание в иной, во многом противоположный обыденности мир, где права и обязанности участников оказывались трудно фиксируемыми, на индивидуальном уровне приводило к тому, что человек терял юридическую и психологическую защищённость, был вынужден мириться с лишениями, которые становились привычными. Это шло как от фрагментарной сословной структуры общества, так и от глубинной крестьянской культуры, где пространство было разделено на множество секторов с различными правилами поведения [Пихоя 1987, 217-220]. Временно теряя принадлежащее ему, строго очерченное место, человек обретал свободу, право на партнерство, на проявление индивидуальности. Однако эти качества вне родных стен проявлялись там, где формировалась сфера общих интересов, преимущественно на ярмарках, что и отмечалось современниками [Черепанов 2006, 81-82].

Для существования подобной пространственной отстранённости были весомые основания. В патриархальной культуре, особенно в среде крестьян, было неоднозначное отношение к торговому предпринимательской деятельности. С одной стороны, присутствовало

стремление разбогатеть, переселиться в город и избавиться от изнурительного крестьянского труда. С другой, как отмечал курганский исследователь П.А. Свищев, труд «торговца и ростовщика (как вообще труд, не связанный с аграрной формой) не почитался крестьянами собственно «трудом». Он же, анализируя фольклор Зауралья, пришёл к выводу, что по представлениям крестьян «единственным источником богатства полагался не морально санкционированный труд, а прямой обман». Крестьяне связывали происхождение большинства крупных капиталов с противозаконной, греховной деятельностью: изготавлением фальшивых ассигнаций, убийствами, ограблениями [Свищев 1997, 71-72].

То, что в глазах сельского населения ярмарочные города являлись сосредоточием пороков, запечатлено в фольклоре. Так, например, Ирбитская ярмарка отразилась в следующих поговорках: «Довела меня Ирбитка до последнего понитка» и «В Ирбить собак бить» – после проведения ярмарки оставалось множество собак, отставших от своих хозяев. В переносном смысле «собак бить» – означало бездельничать [Бирюков 1953, 107-109]. Известно, что в традиционной культуре мир воспринимался дискретно. Его части не были похожи одна на другую, причем все они содержали информацию, недоступную для чужаков. Именно такими чертами обладала любая ярмарка. Действие ярмарочных механизмов было скрыто для непосвящённых. При периодичной торговле её участники не обладали достоверными знаниями о перспективах привоза товаров, их количестве, номенклатуре и возможных ценах.

Ситуативность, порожденная условиями рынка, дополнительно усиливалась субъективными моментами в поведении торговцев. Характерными чертами ярмарки были различные виды обмана, сговоры приезжих купцов, для того чтобы сбить цену, и произвол со стороны официальных должностных лиц. Особенно опасными для участников ярмарки были всевозможные скрытые угрозы. Они могли исходить

со стороны маргинальных элементов и приезжего криминалитета. С.В. Максимов в книге «Сибирь и каторга» приводит рассказ уголовника И.П. Коренева о нравах Ирбита. Этот Коренев, сын уездного чиновника, прошел путь от бродяги до каторжника. В подростковом возрасте, убив сверстника и скрывшись, он примкнул к нищим слепцам, поддавшись на их уговоры: «Мы, говорит, не из таких, чтобы чужих ребят стали воровать в деревнях, а кто де с охотой пойдёт с нами, тому мы, коли ему золота нужно – и золота дадим. Вот теперь по заводским праздникам пойдём на осень – пирогами кормить нас станут, меду надают сотами, вином поить будут. А как де настанет зима, то в Ирбите ярмарка такая, что больше её другой и на свете нету, тогда пойдут к нам деньги, а с деньгами по здешним местам отца родного можно купить и от всех бед откупиться» [Максимов 1891, 7].

«Не отставал я от старцев до самой Ирбити, повествовал Коренев. – Прибрело тута нищей братии артелей шесть. Сшиблись так, что либо всем в одну слаживаться, либо которые уходи вон: всем будет тесно. Одну артель так и выдавили: ушла. Наша на волоску висела, потому сильнее нас деньгами была одна ближняя, тutoшняя, сибирская. Пришла она раньше, дала больше, стала ярмаркой заправлять на манер старости. Наш Верзила сладился с ней на ведре вина и чтобы петь не вместе и сидеть дальше: им обедни, нам заутренни очищать. К вечерням третьих и четвертых припускали, пятая на сибирском выезде пела. Мы в самой гуще и уселись представления наши делать. Однако выпели мы негусто: старцы считали на три, а и одного ста не вышло. Собрались назад такие сердитые, а к тому одного нашего за то, что в кабаке раму высадил – в кучумке держали. Надо было его выкупать» [Максимов 1891, 9].

С.В. Максимов, хорошо знавший отечественные реалии, дополняет слова Коренева о необходимости платы за место на ярмарке описанием разговора в очерке «Нищая братия» (1875). Делец Лукьян, организуя очередную артель слепцов, торгуется с дедом Матвеем:

Рис. 20. В.М. Васнецов «Нищие певцы». 1873 г. Репродукция

– А про ярмарку-то что ты думаешь? На всякую хорошую ярмарку полагается особливое начальство. Оно так и почитает, что ярмарка де вся его, всякое место ему принадлежит. Затем-де его сюда и определили. А ты ему за то место, на котором хочешь сидеть, заплати. Да он ещё разбирает: это-де захотел хорошее – значит, давай больше, а не то, слышь, другим отдам. У меня-де это место другие слепые при торговывали [Максимов 1989, 109-110].

Профессиональные нищие, в изобилии стекавшиеся в места скопления людей, в какой-то мере наглядно олицетворяли ярмарочные противоречия (рис. 20). Участник ярмарки был активным субъектом множества отношений: торговых сделок, оказания услуг, охраны товаров, транспортных перевозок. Он же одновременно был «слепым» объектом манипулирования со стороны различных социальных сил. Его могли обмануть, обворовать, лишить торговых выгод, имущества и даже здоровья и жизни. При этом всевозможные угрозы обычно были для потенциальной жертвы совершенно неожиданные и неявные. Им нередко придавалось мистическое значение. Так, по народным поверьям, замечает С.В. Максимов, не подать «слепому нищему – тяжкий грех, да и небезопасно: не проклял бы он со зла. А проклятие

в известное время (бывает такое в году не один раз) может действовать, имеет силу» [Максимов 1989, 124].

Заметим, что в фольклорном наследии современного кондинского краеведа О.А. Кошмановой имеется сказка «Проклятие». Сюжет её следующий: летом в деревне Кошмаки мать ругала дочь за непослушание. Фраза матери «Да будь ты проклята! Забери тебя леший!» оказалась роковой. Девочка исчезла. Когда в начале зимы отец отправился за рыбой, незнакомый путник привёл его в заколдованную деревню. Именно там ему и встретилась дочь. С помощью священнослужителя и «знающей» старухи родителям удалось вернуть ребенка домой и защитить её от тёмных сил. Но через три года дочь умерла, а её отец, будучи на Ирбитской ярмарке, внезапно узнал прежнего путника в обличии лавочного торговца. Итогом этой встречи, опасной для отца, стала потеря левого глаза [Кошманова 2014, 126-128]. Инфернальный собеседник, наполовину лишив отца зрения, фактически передал ему знание отрицательного опыта общения с нечистой силой. Негативное отношение к Ирбиту в культуре коренных народов сложилось далеко не случайно. Известно, что на знаменитой ярмаркеaborигены с максимальной выгодой, но и с риском продавали добывтую ценную пушину.

Существующие скрытые угрозы перевоплощались в стремление обычного человека обезопасить себя при помощи магических средств, волшебных помощников или хотя бы откупа. Нищие воспринимались современниками как посредники между различными мирами. Косвенным подтверждением, что пожертвования считались своеобразными отступными, служит одна из песен нищих, опубликованная в 1859 г. в «Тобольских губернских ведомостях»: «Родимые наши батюшки, родимые наши матушки – трудницы Господни, рабы Христовые и рабицы Господни! Подайте Христа ради от трудов своих праведных, поминаючи своих родителей во царствии небесном. Не нам подавайте, не нас награждайте: себе царствие небесное окупайте» [Васильева

1997, 304, 354]. Собирая средства на прокорм, нищие возвращали состоятельным жертвователям утраченный психический комфорт, выполняя таким образом компенсаторные функции.

У этих маргиналов было множество социальных ролей. Нищие в патриархальном социуме разносили новости, развлекали окружающих пением духовных стихов, могли быть носителями преданий. По патриархальным представлениям, у этих слепых отсутствие зрения и физическая немощь в нашем мире возмещалось не только большей, по сравнению с обычным человеком информированностью, но и в ряде случаев большими сакральными возможностями, обладанием скрытых и даже невероятных способностей. Кроме мифических объяснений здесь могли присутствовать и сугубо рациональные причины. Вынужденная взаимопомощь у профессиональных попрошаек вела к созданию в их среде действенных неформальных связей. У К.Г. Паустовского в автобиографической повести «Далекие годы» о дореволюционном детстве (1946) есть примечательный сюжет о нищих и слепцах в Белоруссии, так называемых «могилевских дедах» и их учителях – «майстрах» (мастерах). При обострении социальной напряженности их корпорация издавна выступала в качестве защитников обездоленных крестьян [Паустовский 1962, 202-209].

Особенно много тайных дел было на ярмарке в сфере торговли. К числу правонарушений, на которые современники закрывали глаза, была продажа запрещённых товаров. К ним относились золото, краденное с приисков, и опиум, поступающий из Средней Азии. «Опиум, – отмечали современники, – продается в Ирбите почти явно: приходят в лавку, спрашивают чёрного товара. Хозяин ведет в особую комнату; и тут всё смотри как угодно. Жандармы хотя и присматривают, но, видно, мало». Далее купленный наркотик переправляли до Томска [Валиханов 1985, 302, 306]. На ярмарке также случались факты продажи несовершеннолетним любителям разврата, за что виновным грозила каторга [Антропов 1992, 38].

Ярмарка была местом встречи различных культур. Концентрированное наложение динамичных рыночных механизмов на относительно стабильную культурную составляющую создавало временный причудливый симбиоз старого и нового, работы и праздника, морали и аморализма, язычества и христианства, чувственных удовольствий и аскетизма. В Ирбите древнее массовое сакральное действие постепенно профанировалось, перевоплощаясь в развлечения, которые непосредственно затрагивали участников ярмарки. Социальное воздействие Ирбита вынуждало индивида быть максимально активным, функциональным, даже если это и не совпадало с его основными целями. В условиях ярмарки жёсткое принуждение уступало место свободному выбору тех или иных поступков. Однако приобретённая свобода, реализуемая в основном в отношениях рыночного партнерства, несла в себе помимо положительных тенденций и множество отрицательных моментов.

2.3. Города и аборигены: антропологический подход

Взаимоотношения горожан-предпринимателей с аборигенным населением Северо-Западной Сибири в XIX – начале XX в. были лишены идиллий. Неэквивалентный обмен, недобросовестная продажа товаров низкого качества, вплоть до запрещённой законом водки, долговое закабаление с фактическим присвоением охотничьих и рыболовных угодий были хорошо известны образованным современникам. Проблема, однако, заключается не столько в фиксации данных широко известных явлений, сколько в раскрытии особенностей психического восприятия участников торговых сделок. Как именно оценивали свои экономические поступки русские предприниматели и аборигенное население? Если взгляды купцов на максимальное получение прибыли известны по опубликованным источникам, то мнением коренного населения тогда по существу мало кто интересовался. По преимуществу его воспринимали как пассивную страдательную сторону.

Интересно, однако, что в фольклоре обских угров и самодийцев не фиксируется особенно неприязненного отношения к городу и купечеству. Странное дело: русский город, центр эксплуатации рыбаков и охотников, в устном наследии аборигенов часто выглядит достаточно привлекательно. Более того, в преданиях житель тайги или тундры, временно попадая в город, далеко не всегда здесь ведёт себя благопристойным образом. Он пьёт, хулиганит, мошенничает, но такое его поведение в фольклоре отнюдь не осуждается. Что это? Компенсация ущемлённых этнических чувств? Попытка хотя бы мысленно поквитаться с угнетателями? Нет сомнения, что ряд действий был обусловлен именно данной мотивацией. Но, может быть, за нарочито вызывающим поведением стояло и нечто большее? Цель настоящего раздела состоит в реконструкции особенностей взаимоотношений горожан Северного Зауралья с коренными народами Севера.

Для того чтобы понять эти взаимоотношения, необходимо обращение к теоретическим достижениям антропологии о традиционных обществах и их экономике. Кратко перечислим некоторые из работ, способных улучшить наше понимание прошлого Северного Зауралья. Французский исследователь Марсель Мосс в своем классическом труде «Опыт о даре» (1925 г.) показал, как дарение в архаических обществах было универсальным средством обмена. Причем оно не было исключительно альтруистическим актом. Дар предполагал последующую компенсацию в виде ответного дара: «здесь все: пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги – составляет предмет передачи и возмещения. Все уходит и приходит так, как если бы между кланами и индивидами, распределёнными по рангам, происходил постоянный обмен духовного вещества, заключённого в вещах и людях» [Мосс 2011, 155].

Данное утверждение Мосса перекликается с выводами отечественных исследователей. «В хантыйской традиционной культуре нет ни одной, внешне даже самой неброской вещи, которая имела бы только одну единственную функцию – утилитарную: все вещи многофункциональны. Каждая вещь, будь то лодка, нарты, лыжи, лук, требует определенных правил изготовления, обращения, хранения, дарения, наследования; каждая вещь, являясь личной, семейной, коллективной собственностью, определяет социальный статус и указывает на социальную принадлежность владельца», – считает В.М. Кулемzin [Кулемzin 2004, 129]. Дальнейшее развитие идей Мосса было предложено в работах Карла Поланьи, введшего понятие «реципрокности» или взаимности при передаче вещей в дар, согласно установленному порядку [Барсукова 2009, 20]. Человек, принимая дар, вступал в отношения обмена и брал на себя ответственные обязательства.

И, наконец, Маршал Салинз в книге «Экономика каменного века» (1972 г.) утверждал, что реципрокность не всегда имеет

сбалансированный характер. Материальная сделка составляет лишь краткий промежуток времени в длительных отношениях. Возобновление социальной связи может быть гораздо важнее самой сделки обмена [Шрадер 1999, 92-93]. Салинз обосновал три основных вида реципрокности: генерализированную (стремление к альтруистичности при обмене), сбалансированную (стремление к эквивалентности при обмене) и негативную: стремление к безвозмездному получению дара. Его вывод категоричен: «Примитивный строй генерализован. В нём не проявляется четкого разделения на социальное и экономическое» [Салинз 1999, 169]. Кроме того, он предложил схему распределения видов реципрокности в зависимости от реализации дарообмена в конкретном социальном секторе. Позитивная реципрокность, по мере удаления от домохозяйства, постепенно перерастает в собственную противоположность – негативную реципрокность [Салинз 1999, 180]. За пределами рассуждений Салинза во многом остались нерешенными вопросы поведения человека традиционного общества, временно покинувшего привычное социальное пространство, но ещё не успевшего выработать адаптационные механизмы для сделок с купцами или недолгого пребывания на территории небольшого торгового провинциального города (рис. 21).

На сегодняшний день мнения дореволюционных учёных о торговле аборигенов с русскими предпринимателями уже не являются достаточно убедительными. В качестве примера приведём хрестоматийную оценку Н.М. Ядринцева в книге «Сибирь как колония» (1882 г.): «Вкусы и требования дикаря создаются под влиянием особых законов. Он увлекается часто предметами и произведениями не столько

Рис. 21. «Вогулы». Открытка рубежа XIX-XX вв. Репродукция.

утилитарными, обеспечивающими его жизнь, совершенствующими и направляющими его к лучшему, сколько потакающими его страсти и детскому увлечению» [Ядринцев 2000, 111]. Далее исследователь разоблачает варварские способы торговли сибирского купечества. Гуманное отношение Н.М. Ядринцева к коренному населению не отменяет необходимости критики его отдельных положений. Да, аборигены в сделках купли-продажи не ориентировались исключительно на утилитарные интересы. Но знаток Сибири не задается поиском ответов на поставленные им же вопросы. Каковы они эти «особые законы», которые и определяли специфику покупательского спроса рыбаков и охотников? Отсутствие полноценного ответа подменяется рассуждениями о детски наивных поступках сибирских «дикарей»...

Логика поведения жителя тундры или тайги была, видимо, все-таки иная. Пришельцу из традиционного мира первоначально следовало определиться: что такое русский город и каковы его жители? Возможно, что предварительные ответы на этот вопрос содержатся в сказке «О Торуме-Боге», записанной в селе Хулимсунт Березовского района Югры. В сказке Торум спустился на землю для проверки милосердия купца и его наказания за жадность. Характерно, что горожанин на роль купца был лично назначен Торумом. Купец получил наказ помочь бедным, но не исполнил его. Далее следует неизбежная расплата: в купеческой семье умирает новорождённый ребёнок, она разоряется, её члены становятся слугами [Сказки 2012, 91-109]. В сказке осуждается не предпринимательская деятельность как таковая, но алчность купца. Более того, купеческое предпринимательство, по мнению аборигенов, явно полезно, ведь с ним связывалось получение в дар или по обмену множества комфортных предметов.

Восприятие города как сосредоточения материальных благ присутствует в старинных песнях народа манси, записанных в 1888-1889 гг. венгерским исследователем Бернатом Мункачи. В одной из Песен о судьбе Пётр, сын Василия, жителя Хал-Павыл, мечтает о при-

езде к нему Кати Пакиной. Он хочет, чтобы она, «подобно жене купца», похаживала в «хорошем доме» с обоями, пила за самоваром, ценой в 10 целковых, дорогой чай с дорогим сахаром, а после не отказалась бы и бутылку вина распить. Пётр согласен купить ей шаль за 3 целковых и поясок с подвесками [*Старинные песни 2015, 85-87*]. В другой Песне ещё одна Катя мечтает о поездке вместе со своим любимым – Сидором в город Хальп-Ус (Берёзов):

Ассигнации [мне] дадут,
Серебренники [мне] дадут.
Города Халь-У множество кабаков
Возьмусь с начала одного конца
До следующего конца –
Всё пройду,
Во все [кабаки] зайду.
Ассигнации кончатся,
Серебренники [тратить] стану.
Среди женщин, среди мужчин
С полной горстью денег хожу.
Города Хальп-Ус среди многих [моих] казаков
По кабакам хожу,
Красного вина много стопок много выпиваю.

Впрочем, для того чтобы воспылать любовью и затем выпить, ехать в город Берёзов было вовсе не обязательно. В следующей Песне девушка признается в любви к купцу из Хальп-Ус, который раздает мужчинам шапки, женщинам платки, а девушкам кольца и всех угощает:

После вашего питья
Женщины куда свалятся,
Мужчины куда свалятся,
Туда и свалятся [*Старинные песни 2015, 107-111*].

Наверное, не стоит обольщаться искренностью лирики аборигенных девушек. Т.Д. Слинкина, автор-составитель записанных в начале

ХХ в. Арттури Каннисто мансийских «Песен о судьбе», отметила наличие схожих сюжетов в собрании финского учёного. Комментатор достаточно категорична: «Купцы и их служащие, взятые у коренных жителей мясо, ценную рыбу, ценные меха, ягоды, меняли чаще на алкоголь низкого качества и попросту спаивали неграмотный доверчивый народ. Кроме того, каждый купец, кабатчик или приказчик во многих дальних селениях содержал особых привлекательных девушек. Купцы выдавали им небольшие суммы денег для привлечения денежных клиентов в питейные заведения» [Мансийские песни 2013, 10].

При переходе от ригидного рассмотрения норм морали к теоретическим обобщениям об аборигенном восприятии социально-экономических рыночных реалий, допустимо предположить, что для городов и коренного населения Северного Зауралья был характерен именно негативный реципрокный обмен. Данное обстоятельство многое объясняет. Это многократное завышение цены на товары русскими купцами, честность при одновременной необязательности должников-aborигенов. Это преобладание ритуальных дарообменных операций в ущерб прагматичным выгодам товарно-денежной торговли. Это терпимое отношение участников торговли к обоюдному взаимному аморализму. Это, наконец, демонстративное выпячивание собственных негативных качеств в чуждой, но не вполне враждебной среде русских торговых партнеров.

Причины складывания негативного реципрокного обмена заключены в амбивалентных свойствах русского города и его жителей. Аборигенам он был одновременно чуждым и необходимым. Для человека традиционной культуры, причём вне его этнической принадлежности, город находился либо на грани, либо за гранью природной гармонии (рис. 22). Город был изъяном по отношению к природе и нуждался в таком изъяне. Естественные, «правильные» социальные нормы здесь не действовали. Для неискушенных аборигенов русский город и его жители были некими

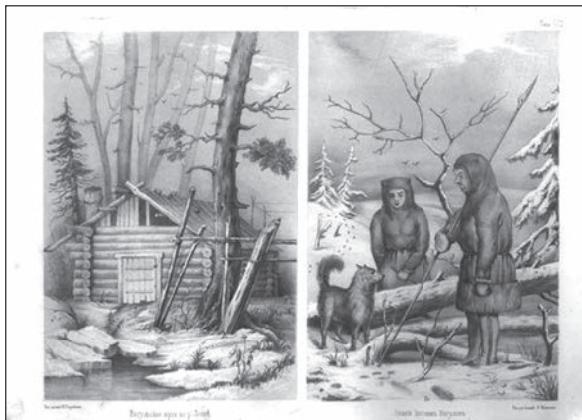

Рис. 22. «Вогульская юрта». Открытка рубежа XIX-XX вв. Репродукция.

досадными исключениями. Они воспринимались как актёры, грешники, мошенники со своими странными нормами. Соответственно, попадая в город, вступая в сделки с его жителями и не имея возможности изменить их искусственную природу, человек традиционной культуры, чтобы сохранить свои ценностные приоритеты, был вынужден негативно перестраиваться. Ему требовалось некое замещение привычных «настоящих» норм. Осуществлялось это замещение через несерьёзные игровые ситуации, путем нарушения общепринятых правил поведения, благодаря внепрагматичным торговым сделкам и покупкам без особой нужды. Будучи слабой стороной, аборигены противопоставляли упорядоченному актёрству и мошенничеству города и горожан собственное стихийное мошенничество, реализованное через смешные анекдотичные поступки.

Так постепенно создавались условия для появления несколько дурашливого этнического персонажа – трикстера на территории города либо в общении с купцами. Трикстер олицетворял актерство, шутовство, греховность. Однако эта греховность была вынужденной реакцией на агрессивное навязывание новых, еще непривычных правил поведения. И город с его жителями, и трикстер уравновешивали друг друга взаимной неупорядоченностью и нестабильностью. Оба

они не соблюдали общепринятые нормы конкретных социумов. Как естественные, близкие к природе у аборигенов, так и искусственные в среде горожан. Город выходил за грань природного мира, трикстер в городе и в общении с большинством горожан выходил за грань городской культуры, отчасти восстанавливая, таким образом, общую мировую гармонию [Ериков 2015e, 129-137].

Характерно, что коренное население обычно не отказывалось от долгов. Образованные наблюдатели дружно фиксировали его честность, которая распространялась и на долги, переходившие по наследству. Мировоззренческие причины честности крылись в традициях добрососедства, дарообмена, в обязательствах по отношению к близким людям, ушедшим в иной мир. Иначе существовала угроза хаоса, потери стабильного существования. Одновременно купечество жаловалось на должников по срокам исполнения обязательств, которые жили по пословице: «Старый долг – гнилой долг». Данное обстоятельство также не противоречило представлениям, общепринятым в аборигенной среде. Ведь дар, начало обмена (а именно так во многом воспринимался долг) не предполагали немедленного ответного действия. В очередной раз экономические интересы и официальные правовые нормы уступали приоритет устоявшимся традициям.

Рис. 23. Остяцкий князь Тайшин с родственниками: фотография рубежа XIX-XX вв.

Разумеется, что подобные отношения не могли продолжаться вечно. Со временем почти все участники торговых сделок стали руководствоваться экономическими интересами. Не случайно, что один из дореволюционных исследователей начала XX в. замечал, что «Вогул из тихого миролюбивого и честного человека превратился в отъявленного мошенника, огрубел до невозможности. Теперь мы видим вогулов злыми, хитрыми, способными на всякую низость» [Павловский 1907, 21]. Столь резкая оценка этноса, несомненно, страдает предвзятостью. В глазах внешнего наблюдателя произошла очередная смена стереотипа. На смену прежнему наивному дикарю пришёл прожженный мошенник. Но в этом наблюдении есть и нечто существенное. В очередной раз в этническом поведении обнаруживается демонстративное выпячивание своего негативного поведения перед чужаками, что связано с ростом внутреннего дискомфорта. Но психический дискомфорт всегда нуждается в каком-либо вытеснении, замене. Согласно З. Фрейду шутка (остроумие) рождается, когда сознание пытается выразить те мысли, которые общество обычно запрещает. Он же утверждал, что юмор подавляет развитие аффекта, занимая его место [Фрейд 1997, 98-13, 234-235].

Совершенно очевидно, что в глазах аборигенов русский город и близкие к этому городу официальные учреждения были территорией взаимных чудесных перевоплощений. Здесь было многое допустимо, многое манило далеко не всегда оправданными надеждами. Для представителей традиционной культуры такой город оказывался пограничной территорией, своеобразным началом другого мира. Этот мир был максимально загадочен и мог завести куда угодно (рис. 23). Его тайны порождали надежду, желание вкусить неведомое, дискомфорт, страхи. Преодоление последних осуществлялось разными способами. В том числе и через негативный реципрокный обмен. Обе стороны от подобных контактов имели свои, но разномасштабные выгоды. По преимуществу экономическую выгоду – недобросовестные русские купцы и городские жители. Культурную, адаптационную – местное аборигенное население, получающее на условиях добровольности навыки рациональной денежной торговли и знание рыночных механизмов.

Заключение

Восприятие городов всегда лишено однозначности. Разброс мнений и ранее колебался в значительных пределах. Строго положительные оценки большинства патриархальных горожан противостояли отрицательным оценкам внегородских жителей близлежащей окраины. В социокультурной эволюции зауральских городов прослеживается определённая последовательность в смене образов. На изменение их образов оказывали влияние внутренние и внешние факторы. Соприкосновение с чужими наблюдателями вело к профанации прежних ценностных установок. Для Зауралья такими наблюдателями выступали приезжие торговцы, путешественники, уголовные и политические ссыльные. Их присутствие в социуме ускоряло чередование образов города и вело к распаду прежнего социально-психологического климата.

Городская и внегородская торговля также подрывали стабильное существование местного населения. Втягивание провинциального города в рыночные отношения деформировало прежние ценностные установки. Торговля, ярмарки, общение с людьми иной культуры означали для патриархального индивида выход в иной неведомый мир, полный опасностей. Участники ярмарочного действия, в том числе и аборигенное население, долгое время не вполне осознавали действие рыночных механизмов. Психологически они были ориентированы на негативный реципрокный добровольный обмен и мирились с ним как с вынужденной необходимостью. Негативное восприятие провинциальных реалий, чья суть до конца не познана, широко представлено и в мировой культуре. Известный автор романов ужасов Стивен Кинг замечает о своём творчестве: «помимо твёрдой убежденности в том, что история может существовать сама по себе, мне помогает стартовать и уверенность в том, что маленький городок есть социальный и психологический микрокосм» [Кинг 2000, 242].

Сохранившиесяrudименты традиционной культуры провоцировали наличие отрицательных оценок. Развитие рынка не привело к общественному признанию провинциальной жизни в России. Торговля и сами города сплошь и рядом подлежали осуждению. Для отечественной мысли XVIII-XIX вв. было заурядным признание городов «ненастоящими». Города Северного Зауралья не были исключением. Как показывает последующий исторический опыт, до полноценного существования рынка и новых подлинно индустриальных городов в России было ещё очень далеко. Эта историческая эволюция растянулась больше чем на столетие и не завершена до сих пор. Видимо, для городов процесс адаптации к внешним условиям вечен. Проблема «вызыва и ответа», вскрытая А. Тойнби, оказалась актуальна не только для цивилизаций, но и для их столичных и провинциальных центров – городов. Причём как для городов прошлого, так для городов дня сегодняшнего.

Архивные источники

Государственное учреждение Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГУТОГА) Ф. 329. Оп. 1. Д. 21. Ф. 152. Оп.18. Д. 21. Ф. 329. Оп.1. Д. 39.

Государственный архив города Шадринска (ГАШ) Ф. 474. Оп.1. Д. 2. Д. 358. Д. 365. Д. 480.

Государственный архив Пермского края (ГАПК) Ф. 36. Оп. 1. Д. 58. Ф. 162. Оп. 2. Д. 168.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. 519. Оп. 1. Д. 228. Ф. 603. Оп. 1. Д. 363. Ф. 621. Оп. 1. Д. 66. Д. 69. Д. 76. Д. 77. Д. 78. Д. 83. Д. 85. Д. 89. Д. 90. Д. 94. Д. 112. Д. 149. Д. 168. Д. 169. Ф. 644. Оп.1. Д. 16. Д. 19. Д. 26. Д. 36. Д. 34. Д. 48. Д. 44. Д. 69. Д. 71.

Государственный архив Челябинской области (ГАЧО) Ф. 15. Оп.1. Д. 1952. Д. 2477. Д. 2990. Д. 3196. Д. 3206, Д. 3246. Д. 3273. Д. 3450. Д. 3468. Д. 3572. Д. 3625. Д. 3667.

Литература

- Аболафия 2003* – Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 2. – С. 63-72.
- Абрамов 1865* – Абрамов Н. Туринский Николаевский женский монастырь // Тобольские губернские ведомости – 1865. – № 45. – С. 289-290.
- Александер 1965* – Александр ДЖ. «Базовые» и «небазовые» экономические функции городов // География городов. Сб. ст. – М.: Прогресс, 1965. – С. 80-96.
- Амин, Трифт 2002* – Амин Эш, Трифт Найгель. Внятность повседневного города // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – №3-4 (34). – С. 209-234.
- Андреева 2013* – Андреева Е.А. Следственное дело и ссылка А.Д. Меншикова 1727-1729 гг.: Исследования и документы. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. – 320 с.
- Андрющенко 1966* – Андрушченко А.И. Ирбитская торговая слобода и Пугачевское восстание // Города феодальной России. Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. – М.: Наука, 1966. – С. 473-478.
- Антропов 1992* – Антропов И.Я. Были Ирбита. Ирбит: Ирбитская тип., 1992. – 180 с.
- Баккаревич 1810* – Баккаревич М. Статистическое обозрение Сибири. – СПб.: В тип. Шнора, 1810. – 361 с.
- Барсукова 2009* – Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. – 2009. – №9. – С. 20-29.
- Бахрушин 1994* – Бахрушин Ю.А. Воспоминания. – М.: Худож. лит, 1994. – 702 с.
- Бахтиаров 1888* – Бахтиаров А. Брюхо Петербурга. Общественно-физиологические очерки. – СПб.: Изд-е Ф. Павленкова, 1888. – 315 с.
- Бахтин 1965* – Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит-ра, 1965. – 528 с.
- Беляевский 2004* – Беляевский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю. – Тюмень: Мандрика, 2004. – 296 с.
- Бернштам 1985* – Бернштам Т.А. Будни и праздники поведения взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. – Л: Наука ЛО, 1985. – С.120-147.
- Бирюков 1953* – Бирюков В.П. Урал в его живом слове: дореволюционный фольклор. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1953. – 290 с.
- Бригген 1986* – Бригген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. – Иркутск: Вост-Сиб кн. изд-во, 1986. – 576 с.
- Булыгина, Трипольская 2013* – Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Формирование тематической группы «Наименование городских пространств» в европейских языках: этимология и процессы заимствования // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 78-83.
- Бурышкин 1991* – Бурышкин П.А. Москва купеческая: Записки. – М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.

- Валиханов* 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч. в 5 т. – Т. 4. – Алма-Ата: Глав. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1985. – 460 с.
- Васильева* 1997 – Васильева А.М. Забытый Курган. – Курган: Зауралье, 1997. – 359 с.
- Ваули* 1940 – Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в. – Омск: Омское областное изд-во, 1940. – 114 с.
- Вендина* 2016 – Вендина О.Е. Управление культурным разнообразием: значение опыта античности для современных городов // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 120-136.
- Вердеревский* 1849 – Вердеревский Е. Ирбитская ярмарка // Отечественные записки. – 1849. – Т. 65. Отд. 4. – С. 1-16.
- Вердеревский* 1857 – Вердеревский Е. От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма в дороги. – М.: В тип. В. Готье, 1857. – 245 с.
- Вилков, Резун* 1981 – Вилков О.Н., Резун Д.Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск: Наука СО, 1981. – С. 11-34.
- Гаврилов* 1992 – Гаврилов Д.В. Пожары 1870 и 1873 гг. // Авангард (Шадринск). – 1992. – № 18.
- Глазычев* 2011 – Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
- Головнев* 1995 – Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Громыко* 1965 – Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск: Наука СО, 1965. – 267 с.
- Громыко* 1973 – Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). – Новосибирск: Наука СО, 1973. – С. 137-149.
- Громыко* 1991 – Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 448 с.
- Давыдов* 1931 – Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. – М.-Л.: Academia, 1931. – 475 с.
- Дегальцева* 2005 – Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX века. – Барнаул: Изд-во АГТУ, 2005. – 188 с.
- Дубровский* 2008 – Дубровский П.С., Дубровский С.П. Офени-иконщики во Владимирской губернии // Рождественский сборник. – Ковров, 2008. – С. 104-109.
- Дуков* 2010 – От Рима до дискотеки (интервью с Е.В. Дуковым) // Русский репортер. – 2010. – №30/31. – С. 41.
- Еланцева* 2000 – Еланцева О.Н. Эволюция основных форм городской торговли в начале XX (на примере г. Тюмени) века // Тюменский исторический сборник. – Вып. IV. – Тюмень: ТГУ, 2000. – С. 119-127.
- Ершов* 2004 – Ершов М.Ф. Зарождение музеиного дела в городах Зауралья во второй половине XIX – начале XX в.// Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск: б. и., 2004. – С. 455-457.

Ершов 2010 – Ершов М.Ф. Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX в. – Ханты-Мансийск, 2010. – 299 с.

Ершов 2013 – Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. – Ханты-Мансийск: Печатный мир. г. Ханты-Мансийск, 2013. – 276 с.

Ершов 2015а – Ершов М.Ф. Город Березов конца XVIII - начала XIX в. в дореволюционной историографии // Вестник угреведения. – 2015. – №1 (20). – С. 84-88.

Ершов 2015б – Ершов М.Ф. Города Зауралья конца XVIII – начала XX в. в дореволюционной историографии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 10. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – Рзд. 2. Гл. 2. – С. 210-227.

Ершов 2015в – Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция городов Зауралья в XVII – начале XX в. // Историческая локалистика Урала и Западной Сибири: Учеб. пособие. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. – С. 108-123.

Ершов 2015г – Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция городов Северного Зауралья в дореволюционный период: сравнительный анализ // Вестник угреведения. – 2015. – №4. – С. 79-90.

Ершов 2015д – Ершов М.Ф. Ссыльные декабристы и провинциальное население Зауралья // Вестник Пермского государственного университета. Сер. «История». – Вып.2 (29). 2015. – С. 156-161.

Ершов 2015е – Ершов М.Ф. Трикстер и город в традиционной культуре обских угров // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Мат. научно-практ. конференции XIII Югорские чтения (20 декабря 2014 г. Ханты-Мансийск). – Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. – С. 129-137.

Ершов 2015ж – Ершов М.Ф. Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX – XX вв. // Санкт-Петербургский исторический журнал. – 2015. – №1. – С. 61-67.

Ершов 2016 – Ершов М.Ф. Города Зауралья в конце XVIII – начале XX века // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 11. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. – С. 294-323.

Ершов 2016б – Ершов М.Ф. Особенности восприятия Ирбитской ярмарки и поведение её участников в XIX – начале XX в. // Вестник угреведения. – 2016. – № 1. – С. 107-117.

Журавлева 2015 – Журавлева О.М. «Голова» и «сердце» России. «Питер кормило, Москва корм, Питер голова, Москва сердце» URL: <http://www.Uchebana5.ru>. (дата обращения: 13.08. 2015).

Заборова 2015 – Заборова Е.Н. Особенности социально-территориального управления в урбанизированном регионе: специфика и исторические тренды развития (на примере Свердловской области) // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М.: Новый Хронограф, 2015. – С. 163-190.

Завалишин 1862 – Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. – Т. 1. – М.: Тип Грачева, 1862. – 414 с.

- Замятин 2006* – Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
- Записки 1886* – Записки поляка-конфедерата, сосланного в Сибирь (1768-1776) // Русский архив. – 1886. – №3. – С. 278-304.
- Зырянов 1997* – Зырянов А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии. – Шадринск: Иsetь, 1997. – 88 с.
- И. – евъ 1907* – И. – евъ П. Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке // Сибирские вопросы. – 1907. – №1. – С. 61- 64.
- И.Р. 1839* – И.Р. Города Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи. – СПб.: В тип. МВД, 1839. – Отд. III. – С. 1-85.
- Ильин 1864а* – Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии. // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск: Тип. губ. правления, 1864. – С. 77-130.
- Ильин 1864б* – Ильин В. О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск: Тип. губ. правления, 1864. – С. 401-438.
- Иофа 1951* – Иофа Л.Е. Города Урала. Ч. 1. Феодальный период.– М.-Л.: Географгиз, 1951. – 422 с.
- История 1999* – История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. – Екатеринбург: Волот, 1999. – 304 с.
- ИЯЛ 1863* – Ирбитский ярмарочный листок. – 1863. – № 3.
- ИЯЛ 1893* – Ирбитский ярмарочный листок. – 1893. – № 2.
- Карцов 1971* – Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Спецкурс. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1971. – 206 с.
- Кинг 2000* – Кинг С. Библиотечная полиция. Несущий смерть. Вторая часть книги «Четыре после полуночи»: Романы. – М.: АСТ, 2000. – 506 с.
- Копылов 1973* – Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Учеб. пособие – Свердловск: Б. и., 1973. – 264 с.
- Корчагин 2001* – Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 180 с.
- Корчагин, Угрюмова 1997* – Корчагин П.А., Угрюмова Е.А. Верхотурский деревянный кремль XVII столетия: опыт комплексной реконструкции // Верхотурский край в истории России. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – С. 55-63.
- Кошманова 2014* – Кошманова О.А. О чём помнит Конда... – Междуреченский: Междуреченская тип., 2014. – 272 с.
- Кулемзин 2004* – Кулемзин В.М. О хантыйских шаманах. – Тарту: б. и., 2004. – 210 с.
- Куприянов 1995* – Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М.: АИРО-XX, 1995. – 160 с.
- Куприянов 2007* – Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. – М.: Новый хронограф, 2007. – 480 с.

- Куприянов 2009* – Куприянов А.И. Культура городского самоуправления русской провинции 1780-1860-е годы. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2009. – 326 с.
- Ларионов 1993* – Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника. Материалы к истории культуры Западной Сибири. – Шадринск: Исеть, 1993. – 62 с.
- Левитт 2015* – Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 528 с.
- Ледебур 1993* – Ледебур К.Ф. и др. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск: ВО Наука, 1993. – 415 с.
- Лепехин 1814* – Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. – СПб.: При имп. Академии наук, 1814. – 376 с.
- Линч 1982* – Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
- Литягина 2010* – Литягина А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 331 с.
- Лотман 1975* – Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л.: Наука, 1975. – С. 25-74.
- Лотман 1976* – Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. – М.: Наука, 1976. – С. 292-297.
- Макарий 1854* – Макарий. Описание города Верхотурья, составленное инспектором Пермской семинарии игуменом Макарием. – СПб.: Тип. Э Праца, 1854. – 48 с.
- Максимов 1891* – Максимов С. Сибирь и каторга. В 3-х ч. Часть вторая. Виноватые и обвиненные. – СПб: Типо-литография П. Стефанова, 1891. – 367 с.
- Максимов 1899* – Максимов С.В. По Русской земле. – М.: Сов. Россия, 1899. – 528 с.
- Макшеев 1852* – Макшеев А.И. Пермская губерния. (Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. 14). – СПб.: В деп-те Генерального штаба, 1852. – 212 с.
- Мамин-Сибиряк 1889* – Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург // Город Екатеринбург. Сб. ист.-стат и справ. сведений по городу. – Екатеринбург: Симанов, 1889. – С. 1-57.
- Мангилев 1991* – Мангилев П.И. Источники по истории почитания святого праведника Симеона Верхотурского // Археография и источниковедение истории Урала периода феодализма. Тез. докл. науч. конф. студентов и молодых ученых. – Свердловск: Урал. ун-т, 1991. – С. 35-36.
- Мансийские песни 2013* – Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни») (В записи Артури Каннисто, 1901-1906 гг.). – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир. г. Ханты-Мансийск», 2013. – 110 с.
- Масленица 1996* – Масленица // Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь. – СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1996. – С. 451.
- Миллер 2005* – Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. I. – М.: Восточная литература, 2005. – 630 с.
- Миронов 1999* – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи,

гражданского общества и правового государства. Т.1. – М.: Дмитрий Буланин, 1999. – 548 с.

Мозель 1864а – Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 1. – СПб.: Тип. Ф. Персона, 1864 – 450 с.

Мозель 1864б – Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. – В 2-х ч. – СПб.: Тип. Ф. Персона, 1864. – Ч. II. – 800 с.

Мосс 2011 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.

Мосунова 2000 – Мосунова Т.П. Верхотурье глазами поляка (быт русского населения XIX в. по воспоминаниям Леона Крупецкого) // Русские старожилы. Мат. III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 496-498.

На гос. дороге 2000 – На государственной дороге: Культурно-исторические очерки. – Екатеринбург: Сократ, 2000. – 304 с.

Никифоров 2008 – Никифоров А.И. Сказка и сказочник. – М.: ОГИ, 2008. – 376 с.

Никольский 1865 – Никольский Из записок о частной золотопромышленности в Верхотурском уезде Пермской губернии // Ирбитский ярмарочный листок. – 1865. – № 3.

Новиченков 2012 – Новиченков Н.Н. ... На Верхотурье в пристойном месте сделять тюрьму крепкую... История пеницитарных учреждений города Верхотурье (1598-2001). – Екатеринбург: ИПУ УрГУ, 2012. – 172 с.

Об Ирбит. ярмарке 1836 – Об Ирбитской ярмарке в 1835 и 1836 годах // Журнал МВД – 1836. – Ч. XX. Отд. XXI. Смесь. – С. 173.

Об Ирбит. ярмарке 1839 – Об Ирбитской ярмарке // Журнал МВД. – 1839. – Ч. 32. – Отд. XII. Смесь. – С. 56 -57.

Описание Туринска 1828 – Описание города Туринска // Северный архив. 1828. Ч. 35. Отд. II. – С. 205 – 219.

Охапкин 2014 – Охапкин Ю. Крестовско-Ивановская ярмарка. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2014. – 140 с.

Павловский 1907 – Павловский В. Богулы. – Казань: Типо-Литография Имп. унта, 1907. – 229 с.

Парсамов 2016 – Парсамов В. Об одном непрочитанном спецкурсе Ю.М. Лотмана («Эпоха декабристов») // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 3 (139). – С. 111-126.

Парыгин 2003 – Парыгин Б.Д. Социальная психология: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 616 с.

Паустовский 1962 – Паустовский К.Г. Повесть о жизни. Кн. 1. Далекие годы. Беспокойная юность. – М.: Гослитиздат, 1962. – 525 с.

Пенн 1862 – Пенн С.С. О торговле и оборотах Ирбитской ярмарки в 1880 и 1881 годах и о прочем // Пермские губернские ведомости. – 1862. – № 5. Часть неоф. – С. 83-90.

Пестерев 2005 – Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII в. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. – 237 с.

- Петров 1887* – Петров К. Провинциальные статистики и писатели // Северный вестник. – 1887. – №4. – С. 82-86.
- Пинус 1914* – Пинус С. Москва (Штрихи из студенческих воспоминаний) // Москва и её жизнь / Сост. Р. Кумов. – СПб.: Издание «Жизнь для всех», 1914. – С. 298-311.
- Пихоя 1987* – Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль тружеников Урала. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. – 272 с.
- Поляков 1896* – Поляков В. Прошлое и настоящее города Верхотурья // Исторический вестник. – 1896. – Т. 54. – С. 587-604.
- Попов 1813* – Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – В 3-х ч. – Ч. III. – СПб.: В Имп. тип., 1813 – 354 с.
- Португалов 1869* – Португалов В.О. Пьянство как социальный недуг // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1869. – № 1. – С. 43-78.
- Португалов 1893* – Португалов В.О. Ярмарка и гигиена // Ирбитский ярмарочный листок. – 1893. – № 5. – С. 14-15.
- Поршинева 2014* – Поршинева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Мат. XII Всеросс. науч. конф. – Екатеринбург: УРФУ, 2014. – Т. 1. – С. 126-129.
- Правосл. приходы 2004* – Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России). – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – 462 с.
- Предания 1991* – Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / Сост. В.П. Кругляшовой. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1991. – 288 с.
- Пузырев 2010* – Пузырев В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI-XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – 432 с.
- Путинцев 1891* – Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ныне ими территории. – Омск: Тип. окр. штаба, 1891. – 256, VIII с.
- Раб. класс 1982* – Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. – Новосибирск: Наука, 1982. – 459 с.
- Разгон 1993* – Разгон В.Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае: XVIII в. – 1920-е годы. – Барнаул: Изд-во «День», 1993. – С. 11-30.
- Родигина 2006* – Родигина Н. Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. – Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 2006. – 374 с.
- Родин 1975* – Родин Ф.Н. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. – М.: Мысль, 1975. – 235 с.
- Розен 1984* – Розен А.Е. Записки декабриста. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 480 с.
- Россия 1914* – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. В.П. Семенова Тянь-Шанского. – Т. 5. Урал и Приуралье. – СПб.: А. Ф. Девриен, 1914. – 669 с.

- Ручиньский 2005* – Ручиньский Ю. Конарщик. 1838-1878. Воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания о Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. – Иркутск: Артиздан, 2005. – С. 325-514.
- Салинз 1999* – Салинз М. Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.
- Свирский, 2009* – Свирский А.И. История нищенства на Руси. – М.: Эксмо, 2009. – 320 с.
- Свищев 1997* – Свищев П.А. Собственность в представлениях зауральских крестьян второй половины XIX - начала XX века // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сб. научн. тр. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1997. – С. 70-77.
- Серафимов 1861* – Серафимов А. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде // Пермские губернские ведомости. – 1861. Часть неоф. – № 26-27. – С. 336.
- Сергеев 1960* – Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории материальной культуры. – 1960. – №3 (21). – С. 113-124.
- Сказки 2012* – Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси. – Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. – 176 с.
- Словцов 1887* – Словцов И.Я. Природа и люди Северного Урала. – Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1887. – 28 с.
- Словцов 1830* – Словцов П.А. Письма к брату И.В. Словцову в Стерлитамак // Московский телеграф. – 1830. – Ч. 31. – №3. – С. 289-313.
- Словцов 1886* – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: И.М. Сибиряков, 1886. – Кн. II. – 364 с.
- Слукин 2005* – Слукин В.М. Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск./ 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Сократ, 2005. – 252 с.
- Смирнов 2002* – Смирнов А. На орбитах Ирбита // Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. – Екатеринбург: Сократ, 2002. – С. 6-78.
- Смит 2009* – Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2009. – 960 с.
- Сравн. ведомость 1833* – Сравнительная ведомость о привозе товаров в 1832 и 1833 году // Журнал МВД. – 1833. – Ч. IX. – № 7. – С. 276 – 277.
- Старинные песни 2015* – Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888-1889 гг.: научное издание. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 232 с.
- Стат. таблицы 1842* – Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. – СПб.: В тип. Крайя, 1842. – 76, VI с.
- Столяров 1990* – Столяров И. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. – М.: Современник, 1990. – С. 323-484.
- Сургут. уезд 2006* – Сургутский уезд в документальных источниках XVIII – XIX вв.: источники. – Тюмень: Мандрика, 2006. – 376 с.
- Сутырин 1975* – Сутырин Б.А. К истории Ирбитской ярмарки во второй четверти XIX в. // Уральский археологический ежегодник за 1973 год. – Свердловск: Уральский ун-т, УО Археографической комиссии АН ССР, 1975. – С. 21-26.

- Тальская 1986* – Тальская О.С. Александр Федорович Бригген // Бригген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. – Иркутск: Вост-Сиб кн. изд-во, 1986. – С. 3-66.
- ТГВ 1865* – Тобольские губернские ведомости. – 1865. – № 45.
- Телешов 1983* – Телешов Н.Д. Повести. Рассказы. Легенды. – М.: Сов. Россия, 1983. – 336 с.
- Тетерин 1924* – Тетерин Н.И. Политическая ссылка в народной поэзии Киренского округа // Каторга и ссылка. – 1924. – № 6. – С. 201-205.
- Токмаков 1899* – Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурья с уездом Пермской губернии в связи с историческим склонением о жизни св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца, с приложением свидетельств о благодатных знамениях, явленных им страждущему человечеству. – М.: Верхотур. Николаев. монастырь, 1899. – 287 с.
- Торговля 1835* – Торговля на Ирбитской ярмарке в 1834 году // Журнал МВД. – 1835. – Ч. XV. Отд. XIX. Смесь. – С. 176.
- Туринск. монастырь 1865* – Туринский Николаевский женский монастырь // Тобольские губернские ведомости. – 1865. – №45. – 6 ноября . – С. 205-219.
- Тюфяев 1829* – Тюфяев К.Я. Известия о Ирбитской ярмарке // Журнал МВД. – 1829. – Ч.1. – Кн.1. – С. 426-439.
- Урал. город 2001* – Уральский город XVIII – начала ХХ в.: история повседневности. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 496 с.
- Фальцман 1993* – Фальцман В.К. Макроэкономика плановой и предпринимательской систем: основы рыночного поведения (спецкурс) // Российский экономический журнал. – 1993. – № 2. – С. 110-118.
- Федорова 1997* – Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 1997. – 283 с.
- Фелиньская 2005* – Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове // Подорожник: Краеведческий альманах. – Вып. 6. – Тюмень: Мандрика, 2005. – С. 7-115.
- Фрейд 1997* – Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб.; М.: Университет. книга АСТ, 1997. – 318 с.
- Хитров 1872* – Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. – Ирбит: Тип. А.А. Дробынина, 1872. – 84 с.
- Черепанов 2006* – Черепанов С. Ирбитская ярмарка (Из путевых заметок) // Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории культуры. – Екатеринбург: Сократ, 2006. – С. 77-85.
- Черная 2005* – Черная М.П. Сибирский город конца XVI- начала XVIII в. в историко-археологическом отражении // Вестник Томского университета. – 2005. – Сер. История. №3(7). – С. 95-112.
- Четвериков 1926* – Четвериков Д. Бурьян. – Л.: Прибой, 1926. – С. 73-116.
- Четвериков 1971* – Четвериков Д. Избранное – М.: Художественная литература, 1971. – С. 17-90.
- Чудиновских 1975* – Чудиновских В.А. Комплектование рабочей силы на Богословских заводах во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. – Сб. 13. – Свердловск: УрГУ, 1975. – С. 12-25.

Чудиновских 1982 – Чудиновских В.А. Специфика становления североуральского промышленного района во второй половине XVIII в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период (Информационные материалы). – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – 176 с.

Чупин 1882 – Чупин Н.К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещённых в неоф. Части губернских ведомостей в период 1842-1881. Вып. 1. – Пермь: Тип. губ. Правления, 1882. – С. 99-142.

Ш. Вл. 1903 – Ш. Вл. Письма из городов. Из Кургана // Сибирский наблюдатель. – 1903. – №7. – С. 145-152.

Швецов 1998 – Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. – С. 35-111.

Шелгунов 1871 – Шелгунов Н.В. Сочинения. – Т. 1. – СПб.: Изд. «Русской книжной торговли», 1871. – 376 с.

Шипилов 2008 – Шипилов А.В. «А на чердаке пушечка Чюгунная...»: Как защищались от разбойников в XVIII веке // Человек. – 2008. – №6. – С. 121-124.

Шпалтаков 1990 – Шпалтаков В.П. Городская ярмарочная торговля в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сб. научн. ст. – Новосибирск: Б. и., 1990. – С. 28-43.

Шрадер 1999 – Шрадер Х. Экономическая антропология. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 192 с.

Экон. состояние 1863 – Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. – Ч. XXVIII. Пермская губерния. – СПб., 1863. – 42 с.

Ядринцев 2000 – Ядринцев Н.М. Собр. соч.: в 2-х т. – Т. I. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 480 с.

Ядринцев 1892 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этническом и историческом отношении. – СПб.: И.М. Сибиряков, 1892. – 720 с.

Яровой 1975 – Яровой Г.В. Рынок и товарное обращение на Урале в дореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. – Свердловск: УГУ, 1975. – С. 42-67.

НА ОБЛОЖКЕ: репродукция гравюры Бенуа Превоса с видом города Березова (акварельная раскраска на медной пластине, конец XVIII в.)

<http://antikvaria.ru/product/berezov-tjumenskaja-obl-konec-xviii-veka/>

НА ТИТУЛЬНОЙ вид г. Верхотурья. Фотография начала XX в.

Все иллюстрации воспроизводятся из находящихся в открытом доступе ресурсов сети Интернет

Научное издание

Ершов Михаил Федорович

**Социокультурная эволюция отечественной
провинции конца XVIII – начала XX в.:
по материалам городов Северного Зауралья**

Подписано в печать 15.12.2017.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. п. л. 6,98. Тираж 250 экз. Заказ № 1428.

Отпечатано ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»,

г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.

Тел. 334-991. E-mail: pmhm@bk.ru.

Ершов Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Русского географического общества, заведующий научно-исследовательским отделом истории, этнологии и археологии БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (г. Ханты-Мансийск). Область научных интересов: история Зауралья, историческая урбанистика, история повседневности, историческая антропология, историческая имиджелогия. Автор свыше 250 научных и научно-методических публикаций, в том числе нескольких монографий.

Адрес электронной почты: mfershov@mail.ru

Ershov Mikhail Fedorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Full member of Russian geographical society, head of Department of History, Ethnology and Archaeology of BI KhMAO – Ugra “Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Development” (Khanty-Mansiysk). Research interests: history of the Trans-Urals, historical urban studies, the history of everyday life, historical anthropology, historical imagology. The author of over 250 scientific and methodological publications, including several monographs.

E-mail: mfershov@mail.ru

ISBN 978-5-6040448-7-2

9 785604 044872